УДК 902.01

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.84.36.002

В.А. Дергачев

БУДЖАКСКАЯ «КУЛЬТУРА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА*

Несмотря на огромное количество обобщающих исследований, среди специалистов нет четкого представления о номенклатурном статусе памятников ямной культуры Карпато-Поднестровья и, соответственно, — понимания их реального содержания в структурном отношении. В результате анализа ряда категорий инвентаря (сосудов буджакского типа, спиралевидных височных подвесок, трубчатых пронизей) выявлено их соотношение с погребальной обрядностью и определены особенности распространения в Карпато-Поднестровье. Поскольку группы погребений, выделенные на основе особенностей погребальной обрядности (и имеющие хронологическое значение), проявляют себя как относительно устойчивые сочетания качественных и количественных показателей, они являются отражением двух основных периодов в развитии ямной культуры Карпато-Поднестровья. Памятники Карпато-Поднестровья являются составной частью сложного культурного образования — ямной культурно-исторической общности. Поэтому, в номенклатурном отношении, за памятниками Карпато-Поднестровья было бы правильнее закрепить статус регионального образования с названием *Карпато-Днестровский региональный вариант* — по аналогии с Балканским, Потисским, Южнобугским и другими. В пределах же Карпато-Днестровского регионального варианта отчетливо выделяются два периода: ранний (днестровский) и поздний (буджакский).

Ключевые слова: Карпато-Поднестровье, эпоха бронзы, ямная культура, периодизация, картографический метод.

Сведения об авторе: Дергачев Валентин Анисимович, Dr. habil. (History), Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы.

Контактная информация: MD-2012, Молдова, г. Кишинев, бул. Штефан чел Маре, д. 1, Институт культурного наследия, Академия наук Молдовы; e-mail: dergacev@mail.ru.

Valentin Dergaciov

THE BUDJAK “CULTURE” THROUGH THE PRISM OF MAPPING ANALYSIS

Despite the huge number of summarizing studies, prehistoric archaeologists still do not have a clear idea neither of the precise definition for the Pit Graves sites situated between the Carpathians and the Dniester, nor, accordingly, of the real position these sites might have occupy within the entire structure of the Pit Graves complex. As a result of the study, a significant series of artifact categories, such as Budjak type vessels, spiral temple rings, tubular beads, etc., were found to be closely related with specific configurations of burial rites, and these sets of evidence were revealed to display special patterns of distribution within the area under study. The groups of graves identified thus far may surely mark sequential chronological phases; they are manifested in the form of relatively stable combinations of qualitative and quantitative signatures reflecting two principal stages of the Pit Graves Culture between the Carpathians and the Dniester. Hence, the burials in question are thought to form an integral part of the complex cultural phenomenon defined as the Pit Graves cultural and historical community. By definition, these burials are conceptualized here as those having status of a regional unit entitled *the Carpathian and Dniester regional aspect* of the Pit Graves

* Статья поступила в номер 30 мая 2021 г.

Принята к печати 15 июня 2021 г.

Culture, with more aspects located in the Balkans, by the Tisza River, by the Southern Bug River, and elsewhere. There have been two stages clearly distinguished within the Carpathian and Dniester sequence; these are: the early stage called 'Dniester' and the late one called "Budjak".

Key words: Carpathian-Dniester region, Bronze age, Yamnaya culture, periodization, mapping.

About the author: Dergaciov Valentin, Dr. habil. (History), Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova.

Contact information: MD-2012, Moldova, Kishinev, 1 Stefan cel Mare Bd., Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova; e-mail: dergacev@mail.ru.

Последние два десятилетия отчетливо обозначились очередным витком повышенного интереса, как со стороны восточно-европейских, так и западных специалистов в предыстории, к памятникам ямной культуры Карпато-Поднепровья. Ситуация вполне понятна и объяснима, если иметь в виду: 1 — особенности расположения региона, тысячелетиями выступающего в роли своего рода плацдарма или полигона взаимодействия разнотипных сообществ Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы; 2 — существенно возросшую источниковедческую базу по ямной культуре этого региона и сопредельных областей; 3 — быстрое и интенсивное накопление новых данных, поставляемых точными науками (С14, ДНК и пр.).

Все это отражено в появлении целого ряда, с одной стороны — обобщающих работ, посвященных особенностям ямной культуры Карпато-Поднепровья (Субботин 2000; 2003; Иванова 2001; 2001—2002; 2013а и др.), а с другой — еще более внушительного числа исследований общего (культурно-исторического, интерпретационного) плана (Иванова 2012; 2013б; 2016; Ivanova 2013; Ivanova, Toshev 2015; Klochko et al. 2015; Клейн 2007; 2016; 2017; Kaiser 2019 и др.). «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1: 31).

Парадоксально, однако, вот что. Вопреки большому числу опубликованных исследований до настоящего времени у специалистов нет четкого представления о самом номенклатурном статусе памятников ямной культуры Карпато-Поднепровья, и соответственно — понимания их реального содержания в структурном отношении. Иначе говоря, получается, что, не разобравшись (с источниковедческой точки зрения) во внутреннем содержании изучаемого явления, многие авторы впускаются в обширные общеисторические интерпретации, дезинформируя своих коллег (не владеющих в полной мере материалами), провоцируя тем самым нескончаемые бесплодные дискуссии.

Объясню вкратце ситуацию. К концу 60-х — началу 70-х гг. прошлого века, обобщив известные к тому времени для юга Восточной Европы источники, Н.Я. Мерперт впервые очертил общие пространственные границы ямных памятников и выделил их в особую культурно-историческую область (КИО), включающей девять относительно самостоятельных территориальных (локальных) вариантов, из которых памятники Карпато-Поднепровья были обозначены как представляющие юго-западный вариант этой области или общности (Мерперт 1968: 14—15, 38—39; 1974: 12—14).

Спустя два десятилетия, ознаменовавшихся интенсивной полевой деятельностью (приведшей к накоплению новых источников), вышла в свет работа Е.В. Яровой, представляющая первое целенаправленное монографическое исследование, посвященное осмыслению погребальной обрядности носителей ямной культуры рассматриваемого региона (Яровой 1985). Благодаря максимальному охвату известных материалов, свободному владению статистико-комбинаторными методами анализа данных, автору впервые удалось аргументировано обосновать вывод о наличии в рамках этой культуры двух относительно

самостоятельных хронологических горизонтов или периода: раннего — характеризующегося преимущественно скорченными погребениями на спине с поднятыми в коленях ногами (группа I) и позднего — отличающегося преобладанием скорченного положения на спине, с большим или меньшим наклоном на один из боков (группа II) и отчасти и сильно скорченными «лево-» или «правобочными» захоронениями (группа III) (Яровой 1985: 44—49, 109).

Буквально через год после выхода работы Е.В. Ярового была издана наша собственная монография, посвященная общей характеристике всех культур эпохи бронзы Молдавии, один из небольших разделов которой был посвящен самостоятельному анализу и характеристике ямной культуры (Дергачев 1986: 26—87). Располагая практически тем же объемом материалов (порядка 1200—1300 курганных комплексов), основываясь на собственных методических принципах анализа и осмысления данных, я пришел к весьма неожиданным результатам. Они, на мой взгляд, раскрывают внутреннюю периодизацию ямной культуры не только с точки зрения особенностей погребальной обрядности, но с учетом других конкретных категорий материалов, образующих определенные устойчивые сочетания. А это — условие, методологически гарантирующее объективность любых выделяемых структурных образований. Соответственно этому требованию, наши выводы были категоричными.

Ямная культура Карпато-Поднестровья вбирает в себя два относительно самостоятельных территориально-хронологических варианта или горизонта. Один из них, обозначенный нами как днестровский вариант, представляет ранний период развития этой культуры, распространяется на все пространство от левобережья Днестра до Восточных Карпат, отчасти включая низовья Дуная. Его характерные составляющие элементы: скорченное положение погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами (распавшихся обычно в левую (или правую) сторону или ромбом), сопровождающиеся относительно редким инвентарем: спиралевидными височными подвесками из серебра или меди, сосудами шаровидных форм с двумя ленточными ручками на тулове, каменными антропоморфными стелами, деталями от разобранных деревянных повозок.

Второй из выделенных нами вариантов, получивший название «буджакский», представляет поздний период этой культуры. В отличие от первого, комплексы этого периода характерны главным образом для степной зоны Днестровско-Прутского междуречья. Его отличительные особенности: преимущественно скорченное положение погребенных на спине с поворотом на один из боков (при строго определенном положении разных рук) — реже погребения в сильно скорченном положении на боку, сочетающиеся с достаточно обильным и разнообразным инвентарем, в состав которого входят: разнотипные сосуды, составные браслеты из свернутых в трубку тонких медных пластин, клиновидные кремневые топоры—тесла, костяные наконечники стрел (Дергачев 1986: 74—87).

Предложенные Е.В. Яровым и автором этих строк разработки касательно хронологических особенностей проявления погребальной обрядности сразу же привлекли к себе внимание коллег, в особенности — молодых, начинающих «курганщиков», обеспечив их диагностическими критериями многочисленных новооткрытых ямных погребений. Именно под влиянием оговоренных работ в 80—90-х гг. прошлого века в обиход вошли два самостоятельных термина в обозначении разновременных ямных погребений Карпато-Поднестровья: «древне-» или просто «ямные» погребения, под которыми обычно подразумеваются скорченные погребения на спине с поднятыми в коленях ногами, и «позднеямные», под которыми имеются в виду скорченные костяки с поворотом на один из боков или костяки в сильно скорченном положении. И эти термины широко используются до настоящего времени в работах публикационного характера.

Иначе сложилась судьба предложенного нами разделения ямной культуры на два самостоятельных хронологических варианта — днестровского и буджакского, отличающихся не только по обрядовым показателям, но и по целому комплексу других категорий материалов. Это предложение оговаривалось, цитировалось, но, по сути, оно так и осталось непонятым и не востребованным, и, со временем, приобрело сугубо ритуальный смысл, дескать — есть такое мнение в историографии.

Восприятие ямной культуры Карпато-Поднестровья еще больше деформировалось за последние 20 лет с приходом в эту тематику энергичной и плодотворной С.В. Ивановой, чьи исследования буквально захлестнули многочисленные археологические издания.

По мнению С.В. Ивановой, ямные памятники Северо-Западного Причерноморья представляют особую, самостоятельную — буджакскую культуру (*«в рамках ямной КИО»*), характерную для всего Карпато-Поднестровья (Иванова 2013а: 216). Хотя одновременно с этим, она предлагала совершенно другие — причем самые разные трактовки (Иванова 2014), на что обращал внимание Л.С. Клейн (2016: 6), и что, по нашему мнению, выдает ее неопределенность в этом вопросе.

С.В. Иванова считает, что буджакская «культура», эволюционировавшая на протяжении порядка 900 лет (3100/3000—2000/2100 BCE), представляет собой относительно монотонное культурное явление, практикующее один и тот же обряд погребения с обозначенной выше триадой (на спине с поднятыми в коленях ногами, скорчено с поворотом и сильно скорчено на боку). Благодаря длительному развитию и внешним влияниям, эта культура обогатилась своеобразным комплексом материалов, в большей или меньшей степени, характерных для всего ее существования.

Оценивая реальное состояние проблемы изучения культуры, автор признает, что *«вопросы внутренней хронологии памятников буджакской культуры слабо разработаны на сегодняшний день»*. Однако же, понимая алогичность представления о монотонности ее почти тысячелетнего развития (сопровождавшегося сменой целого ряда культур и культурных блоков), автор намечает три возможных этапа в ее развитии: ранний этап, развитый и заключительная фаза. К сожалению, как и во многих других случаях, обоснование выделенных этапов сводится к многословному, на наш взгляд, жонглированию одними и теми же признаками и показателями, преимущественно касающихся все той же погребальной обрядности. В результате, содержание выделенных этапов остается расплывчатым и неконкретным (Иванова 2013а: 219—223).

А в недавней работе, автор уже открыто признает наличие в рамках этой культуры двух этапов: *«ранний (3100—2600/2500 BCE) и поздний (2600/2500—2200 BCE)»* (Иванова 2020: 182). Но это признание, опять-таки, носит чисто декларативный характер, поскольку никаких разъяснений по этому поводу автор так и не дает. Думаю, это говорит о многом.

Перейдем же от описания сложившейся историографической ситуации к сути вопроса, предусматривающего освещение двух принципиальных моментов в понимании ямной культуры рассматриваемого региона: раскрытию внутренней хронологии или периодизации этой культуры, а вместе с тем и определению ее номенклатурного статуса. Для этого мы воспользуемся анализом всего трех типов изделий, представляющих в одном случае керамику, а в другом — два типа украшений, проанализированных через призму картографического метода.

В связи с последним — картографическим методом, хотелось бы отметить следующее. Картографирование — один из базовых методов археологического инструментария. Нет диссертации или сколько-нибудь значимой работы, чтобы «картографический метод» не был бы включен в раздел, посвященный методике исследования. Однако на практике

использование этого метода обычно сводится к одной—двум иллюстрациям, призванных отразить локализацию памятников той или иной культуры или — чаще определенной категории или типа изделий, и не более того. Привлечение же этого метода для решения более сложных задач, ориентированных на раскрытие внутренних составляющих элементов сложных структурных образований, подобно ямной культуре (что на уровне КИО, что на уровне ее Карпато-Днестровского варианта), пока мне не известны. Вот и продемонстрируем возможности этого метода применительно к интересующей нас проблеме.

Для начала обратимся к одной из форм сосудов, за которыми еще с момента их первых публикаций (Шмаглий, Черняков 1970), прочно закрепилось название — сосуды «буджакского типа». Обращение к сосудам этого типа оправдано двумя обстоятельствами. Во-первых, при общеизвестной редкости керамики в ямных комплексах, эта форма занимает одно из лидирующих мест. На данный момент, для порядка трех тысяч комплексов ямной культуры региона, нам известно чуть более 80 (археологически целых форм) экземпляров этих сосудов.

Второе обстоятельство — это одна из наиболее своеобразных, оригинальных форм, начисто отсутствующая как в предшествующих или последующих культурах данного региона, так и в одновременных культурах сопредельных областей. И именно эти обстоятельства побудили С.В. Иванову (и не только) обозначить эти сосуды как своего рода «визитную карточку», идентифицирующую «буджакскую культуру» в ее понимании. Остается лишь проверить в какой степени эта визитная карточка соответствует данной «культуре».

На рис. 1 мы постарались отобразить все разнообразие известных ныне сосудов буджакского типа. Как следует из этой иллюстрации, речь идет о чашевидных или баночных сосудах в большинстве своем конической — изредка подцилиндрической формы (рис. 1: 7, 23) с более или менее закругленным туловом. За одним исключением (рис. 1: 10), все они плоскодонные, притом, что около половины из них имеют отчетливо выделенный кольцевидный поддон (рис. 1: 1—5, 7—8, 12—13, 19—21, 26). Одним из обязательных морфологических элементов этих сосудов выступают, расположенные в верхней части тулова, ручки—налепы (одинарные или сдвоенные) с вертикальными отверстиями. Порядка двух третей этих сосудов орнаментировано отрисками шнура (изредка в сочетании с круглыми наколами), образующими сложные геометрические (рис. 1: 1—11) или простые линейные композиции (рис. 1: 12—16). В отдельных случаях этот орнамент был нанесен и на днища сосудов (рис. 1: 2).

С метрической точки зрения (рис. 2) эти сосуды проявляют себя как относительно компактная «гомогенная» группа изделий высотой от 8 до 18 см, при максимальном диаметре от 10 до 20 см. Любопытно, что если орнаментированные сосуды показывают сбалансированные пропорции (высота сосудов приблизительно равна их наибольшему диаметру), то неорнаментированные сосуды более приземистые (диаметр несколько больше высоты). Это свойство отчетливо проступает исходя из расположения их на точечной гистограмме (рис. 2) что, возможно, отражает разнообразие функций: орнаментированные — это исключительно парадные формы, вторые — сугубо утилитарные.

Помимо сосудов «стандартных» форм и размеров, изредка встречаются их воспроизведение в миниатюре (рис. 1: 29—30).

Обратимся к распространению этих сосудов. На приведенной карте (рис. 3) маленькими точками обозначены все местонахождения комплексов ямной культуры Карпато-Поднестровья и внешние границы их ареала непрерывной линией. Внутри ареала специальными знаками внесены пронумерованные местонахождения сосудов буджакского типа.

Что выясняется? Все местонахождения интересующих нас сосудов приходится исключительно на южную — степную зону ареала культуры, с наибольшей концентрацией в Нижнем Поднестровье и приморской части Днестровско-Прутского междуречья (рис. 3, прерывистая линия). Не считая двух местонахождений, занимающих крайне периферийные позиции в этой зоне (Мокра (№ 1) и Брэвичень (№ 28)), для остальной части ареала ямных памятников мы не располагаем ни одним таким сосудом.

Так что же получается? Сосуды, олицетворяющие саму буджакскую «культуру», на деле характерны только для степной ее зоны, исторически известной как Буджакская степь. Это обстоятельство оправдывает название, присвоенное нашим сосудам, но никак не всей «буджакской культуре» по С.В. Ивановой, распространяющей ее на все Карпато-Поднестровье (а может быть и шире?).

С точки зрения логики картографии все просто. Частичное или полное территориальное совпадение двух изучаемых явлений может означать только одно — эти явления разновременные, или иными словами — зона локализации буджакских сосудов в соотношении с общим ареалом ямной культуры Карпато-Поднестровья составляет некий хронологический срез. Остается лишь определить хронологическую направленность развития этих явлений, т.е. какое из этих явлений более раннее или наоборот — более позднее. Однако, прежде этого, вернемся к нашим сосудам и рассмотрим их контекст — т.е. особенности погребального обряда, характерные для комплексов, в которых они встречаются.

На данный момент мы располагаем данными о 67 комплексах с четко определяемыми позами погребенных, которые сопровождалась сосудах буджакского типа. Для наглядности приводим серию из половины известных случаев, отражающую все имеющиеся вариации — рис. 4¹.

Оказывается, что за исключением трех случаев, эти сосуды сопровождают погребенных, уложенных на спине с поворотом на один из боков (далее, для краткости — умеренно скорченных). Статистика такова: в 38 (55,9%) случаях это «левобочные» погребения (рис. 4: 1—18), из которых только два в сильно скорченном положении (Яски 2/5 и Приморское 1/34) рис. 4: 18), а в 26 (38,2%) случаях — «правобочные» (рис. 4: 19—32), из которых два в сильно скорченном положении (Слободзея 1/25 и Рэскоец Ной 2/12) (рис. 4: 31—32).

Исключение составляют два захоронения (2,9%), в которых сосуды сопровождали погребенных, скорченных на спине с вытянутыми вдоль тела руками и, вероятнее всего, с поднятыми в коленях ногами, распавшихся влево (рис. 4: 33—34), а также два (2,9%) случая с расчлененными костяками (рис. 4: 35—36).

Таким образом, выясняется, что сосуды типа буджак (за единичными исключениями) характерны только для погребенных, уложенных в скорченном положении с большим или меньшим поворотом на один из боков (левый или правый). Показательно, что оба варианта поз дают достаточно близкие количественные показатели (38 к 26). Более того, близко сходной является и их ориентация, с одной стороны — в северном диапазоне (от 310° до 75°), во втором — юго-западном (от 135° до 285°) (рис. 5).

Из установленной взаимосвязи получается, что степная зона, в отличие от остальной части ареала ямной культуры региона, отличается не только своеобразной керамикой (сосудами типа буджак), но и своим особым погребальным обрядом (умеренно и реже — сильно скорченными погребениями). Соответственно возникает очередной вопрос. Как же

¹ Обращаем внимание, что в этой иллюстрации и «левобочные», и «правобочные» погребения сгруппированы с учетом их ориентации в северном или в юго-западном диапазонах.

тогда понимать место погребений с захоронениями на спине с поднятыми в коленях ногами, которые сполна имеются как в степной, так и лесостепной зонах региона? Они что — представляют другую культуру?

И здесь мы снова выходим на уже сформулированное выше предположение/вывод — скорченные погребения с буджакскими сосудами и скорченные погребения на спине с поднятыми ногами (без подобных сосудов) различны во времени, т.е. представляют два разных периода или этапа одной и той же культуры, по крайней мере, в степной буджакской зоне, что полностью противоречит предложенной С.В. Ивановой трактовке этой культуры и, на наш взгляд, лишают ее всяких оснований.

Вернемся к вопросу возможной хронологической последовательности намеченных разновременных хронологических вариантов. Следуя логике картографического метода, для раскрытия хронологической направленности развития двух изучаемых явлений или структур, достаточно определится с хронологической позицией хотя бы одной из них (более ранней или более поздней). Поскольку определившись с хронологией одной из них, мы автоматически получим сведения о хронологической позиции второй, поскольку третьего здесь не дано.

Для решения этого вопроса, учитывая особенности источниковедческой базы, мы обратимся к тем же материалам, т.е. к данным уже известных для степной — буджакской группы. Аргументов в пользу того, что эта группа составляет поздний горизонт ямной культуры, не только степного, но и всего Карпато-Поднестровья — предостаточно.

Из уже упомянутых работ, посвященных рассмотрению и детальной классификации погребальной обрядности ямной культуры (Мерперт 1974; Яровой 1985; Дергачев 1986), достоверно и неопровержимо известно, что обряд погребения скорченно на спине с поднятыми в коленях ногами возник на востоке. А в Карпато-Поднестровье он появился лишь с проникновением этих племен в этот регион, распространившись как в степной, так и лесостепной зонах. Поскольку буджакская группа демонстрирует явное преобладание скорченного «лево-» или «правобочного» обряда погребения, из вышесказанного однозначно вытекают два вывода. Во-первых, обряд погребения скорченно на боку является относительно более поздним по отношению к погребениям на спине с поднятыми в коленях ногами, а, во-вторых, буджакские памятники, соответственно более поздние по отношению к остальным памятникам как степной, так и лесостепной зон.

Другой принципиальный аргумент. Погребения со скорченными костяками, за редкими исключениями, не представлены основными — центральными погребениями и, как правило, впущены в насыпи с основными скорченными на спине погребениями. Если же эти насыпи и содержат основные скорченные на боку погребения, они не дают впускных погребений, скорченных на спине (разумеется, за редкими исключениями) или же вообще не содержат никаких впускных захоронений.

Приведем конкретные примеры. На 74 кургана с 80 погребениями (содержащих 82 сосуда буджакского типа), только в четырех курганах погребения с этими сосудами являются основными — центральными. Во всех остальных случаях они впущены в более древние насыпи.

Но что при этом примечательно. Курган 1 у с. Григорьевка (рис. 6: А) с основным скорченным погребением и сосудом буджакского типа содержал еще шесть впускных ямных захоронений (расположенных по кругу) совершенных по тому же обряду что и центральное — т.е. скорченно на боку. И среди них — ни одного скорченного на спине с поднятыми в коленях ногами. А три других кургана могильника Маяки IV (рис. 6: В—D) с основными —

центральными захоронениями и сосудами буджакского типа не содержат ни одного ямного впускного погребения, что явно говорит о кратковременности их использования.

Важным аргументом в пользу поздней даты буджакских комплексов представляется планиграфия или, иначе говоря — горизонтальная стратиграфия, курганов, содержащих по три—четыре насыпи и включающих по 20—30, а порой и более разновременных и разнокультурных захоронений, в особенности в тех случаях, когда их вертикальная стратиграфия не была зафиксирована в процессе раскопок.

Как хорошо известно, носители и ямной, и катакомбной культур (хотя не только) практиковали сооружение собственных курганов. Но, наряду с этим, они очень часто впускали погребения своих умерших и в уже существующие курганы своих предшественников с более или менее значительной досыпкой. Погребения впускали в центральные части насыпей, но, чаще всего, по их краям по определенному плану или принципу — в основном, по дуге. Расстояния же от центра напрямую зависело от размеров кургана на момент погребения. Соответственно, расположение по дуге разновременных захоронений одной и той же долго развивающейся культуры, или в соотношении, скажем с последующими ей во времени комплексами катакомбной культуры, неизбежно должны отражать их относительную хронологию. Это что-то наподобие годовых колец, фиксирующих циклический прирост тканей дерева (и, соответственно, возраст), только в этом случае разность во времени может быть от недели—месяца до нескольких десятилетий или даже столетий.

Приведем лишь четыре, на наш взгляд, наглядных примера (рис. 7)², в подборе которых мы руководствовались несколькими условиями. Это должны быть: 1 — долговременные курганы с несколькими насыпями; 2 — курганы, содержащие скорченные погребения на спине и (с высокой долей вероятности) поднятыми в коленях ногами, а также погребения буджакской группы, т.е. скорченные с поворотом на бок и сочетающиеся или с уже известной нам формой сосудов, или другими изделиями, о которых речь пойдет ниже (украшениями, костяными наконечниками стрел, кремневыми топорами—теслами и пр.).

Курган 17 у с. Никольское (рис. 7: А). Его основное погребение (42) — ямное, на спине с поднятыми коленями. Содержит еще четыре впускных подобных захоронений (25, 28, 44 и 47) и четыре буджакского типа (7, 43, 45—46), из которых одно с сосудом типа буджак (рис. 7: А: 2—6). Первые четыре погребения впущены в пределах первой, зафиксированной при раскопках, насыпи, вторые — за ее пределами (рис. 7: А: 1). Вывод напрашивается: последние, буджакские — более поздние чем первые, совершенные на спине с поднятыми в коленях ногами.

Курган 1 у с. Глубокое (рис. 7: В). Первичное погребение (16) — усатовское. Включает 17 ямных захоронений, из которых: 6 — на спине с поднятыми в коленях ногами (5, 7, 9, 14, 21, 26), 7 — буджакского типа (11—13, 22—25) и 4 — кенотафа или типологически неопределенные (6, 15, 19—20). Из первой группы — скорченных на спине, три впущены в пределы усатовского кромлеха (5, 9, 14), а три — к востоку, в непосредственной близости от кромлеха. В отличие от них, захоронения буджакского типа: в одном случае (22) впущено в пределы кромлеха, а в шести других — расположено в западной половине кургана по дуге (12, 13, 23—24) и в двух случаях несколько обособлено (11, 25). Если от центра кургана прочертить две окружности, соответствующие планировке этих погребений видно, что курган, помимо исходной насыпи, окруженной каменным кромлехом, включал, по крайней

² На планах курганов сохранены только интересующие нас погребения: из которых изначальные — усатовские и/или ямные на спине с поднятыми коленями и хронологически неопределенные кенотафы отражены тонкими контурами, предположительно буджакские — жирными, а катакомбные — тонкими линиями, заполненные серым фоном.

мере, еще две насыпи (зафиксированные в профиле кургана, но не отраженные в горизонтальном плане). В ближайшей по отношению к центру насыпи — три захоронения на спине (7, 21 и 26) и одно буджакского типа (13), а в периферийном — одно на спине (6) и пять буджакских (11, 12, 23—25) (рис. 7: В: 1). Показательно то, что в числе последних — погребение, сопровождающееся типичным буджакским сосудом и составным медным браслетом, которые рассмотрим ниже (рис. 7: В: 2—11). Учитывая крайне отдаленное от центра положение большинства буджакских захоронений по сравнению с захоронениями на спине с поднятыми коленями, получается, что первые относительно более поздние по времени, нежели вторые.

Курган 9 у с. Нерушай 9 (рис. 7: С). По полевым наблюдениям состоял из четырех насыпей, первая из которых связана с основным усатовским захоронением (82). Включал, по крайней мере, 12 ямных захоронений, из которых 6 — скорченных на спине с поднятыми в коленях ногами (9, 16, 31—32, 37, 60) и 6 — скорченных на спине с поворотом на один из боков (включая два с типично буджакскими сосудами (56, 74, 76, 81, 84—85))³. К сожалению, кроме погребений с сосудами, остальные погребения буджакских захоронений не были проиллюстрированы в публикации (рис. 7: С: 2—6). Как следует из плана кургана (рис. 7: С: 1), погребения на спине с поднятыми коленями приходятся на первую и вторую насыпь кургана, а все буджакские захоронения занимают почти всю западную полуокружность в пределах четвертой насыпи. Вывод: они более поздние по времени, чем первые.

Особый интерес вызывает курган 2 у с. Холмское с хорошо документированной вертикальной стратиграфией и содержащий репрезентативную серию как ямных, так и катакомбных погребений (рис. 7: D). К сожалению, иллюстрация основного — первичного погребения кургана отсутствует. Согласно отчету и описанию в имеющейся публикации (Черняков и др. 1986: 80—81), захороненный якобы лежал «в скорченном положении на спине... Ноги, согнутые коленями вверх, упали влево». Однако из описания положения рук — «Правая рука согнута в локте и кистью положена на левую часть тела, левая вытянута вдоль туловища» легко реконструируется, что фактически, речь идет о типично буджакской позе — на спине с разворотом на левый бок. Соответственно, все остальные погребения ямной культуры кургана также относятся к буджакскому типу, что полностью подтверждается позами погребенных и их инвентарем (формы сосудов, медные трубчатые пронизи, костяной наконечник стрелы) (рис. 7: D: 2—13, 15—18).

Главное здесь — соотношение буджакских погребений с катакомбными, которые, как следует из горизонтального плана (рис. 7: D: 1), были впущены по одной и той же или близкой дуге в южной периферии кургана и, что само по себе предполагает их близость во времени или даже частичную одновременность. И лучшее подтверждение тому — прямая стратиграфия зафиксированная для погребения ямной культуры 17, перекрытого катакомбным захоронением 24. Привожу описание ситуации: «Погребение 24... частично перерезало его [погребения 17 — прим. автора, В. Д.] камеру, оказавшись чуть выше ее пола. Во время совершения погребения 24 деревянное перекрытие погребальной камеры 17 еще не успело сгнить, а камера — заполниться землей. Это позволило частично использовать пустоту для нового погребения 24. Рухнувшее позднее деревянные части перекрытия погребения 17 упали на костяк погребения 24» (Черняков и др. 1986: 77). Таким образом, частичное сосуществование носителей позднеямных памятников с носителями катакомбной культуры не оставляет сомнений. А это, в свою очередь, подтверждает гипотезу о том, что

³ Культурная принадлежность погребения 49 с остродонным сосудом, украшенным зубчатым штампом, остается неясной.

буджакские памятники по отношению к ямным комплексам с обрядом погребения скорченно на спине являются позднейшими.

Два других случая документирующих частичное сосуществование носителей буджакских и катакомбных памятников, — впускное захоронение 31 кургана 17 у с. Вишневое, совершенное в «классической» катакомбе с погребенным в типично буджакской позе, с типично буджакским сосудом (рис. 8: 1). Второй случай — погребение 10 кургана 2 у с. Беляевка с вытянутым погребенным в не совсем типичной катакомбе (с точки зрения сооружения), во входной шахте и камере которого находились фрагменты одного и того же сосуда буджакского типа (рис. 8: 2).

В качестве косвенного аргумента в пользу позднего времени буджакских памятников могут послужить и два сосуда, обнаруженных в курганах низовьев Южного Буга в погребениях со скорченными на боку костяками (рис. 8: 3—4) по обряду, который, согласно разработкам О.Г. Шапошниковой, характерен для двух позднейших (III и IV) обрядовых групп ямной культуры Южнобугского варианта (Шапошникова и др. 1986: 51).

Если резюмировать выводы о территориальном и стратиграфическим проявлениям погребений с сосудами буджакского типа, напрашивается единственное заключение — эти памятники в сравнение с комплексами со скорченными на спине и поднятыми в коленях ногами являются более поздними и представляют особый хронологический вариант ямной культуры степной зоны Карпато-Поднестровья.

А сейчас для верификации этой гипотезы обратимся к другой категории материалов — украшениям. Речь идет о двух наиболее распространенных типах украшений ямной культуры рассматриваемого региона: спиралевидных височных подвесках и составных браслетах (рис. 9: А).

Височные подвески. По форме подразделяются на два разных типа: спиралевидных в один—полтора витка до четырех—пяти витков (рис. 9: А: 1—8) и рога-likeобразных в виде несомкнутого кольца, несколько утолщенного в средней части (рис. 9: А: 9—11). Первые численно доминируют и чаще всего изготовлены из серебра, реже из меди и, изредка — из золота. Их диаметр колеблется от 0,5 до 1,2—2 см, при диаметре проволоки от 1 до 3—4 мм. Рога-likeобразные подвески встречаются редко, обычно изготовлены из серебра, их диаметр составляет около одного см.

Для Карпато-Поднестровья нам известно 96 комплексов, содержащих по одной, чаще — двум, а иногда и по три-пять экземпляра. Соответственно их общее число составляет около 150 экземпляров, из которых 137 — спиралевидных и 11 рога-likeобразных. Неполная расшифровка местонахождений этих изделий имеется в работе Л.В. Субботина (2003: 34.). Еще десять комплексов известно для Валахии, в жудеце Прахова (севернее Бухареста) с десятью спиралевидными и пятью рога-likeобразными подвесками (рис. 10: 8—106). Далее на запад в курганах Правобережья Дуная эти подвески встречаются редко, но хорошо представлены в известном грунтовом могильнике у г. Зимнич жудеца Телеорман (рис. 10: 107—109).

Как правило, эти подвески находят у височных костей, а характерны подвески преимущественно для детских захоронений, хотя присутствуют и в мужских, и в женских.

Обратимся к географии и контексту. Как следует из рис. 10, височные подвески «разбросаны» по всему ареалу ямной культуры Карпато-Поднестровья с заметными концентрациями в степной Причерноморской зоне и в пределах Нижнего и Среднего Днестра и Прута, отчасти в Нижнем Подунавье. Проще говоря, речь идет о всем пространстве, для которого зафиксировано наличие памятников ямной культуры (рис. 10: мелкие точки).

А что же контекст? Он отражен в двух иллюстрациях, в которых включены 47 комплекса (из 109), с уверенно определенными позициями погребенных и содержащих височные подвески (рис. 11 и 12).

Первое на что следует обратить внимание в этих иллюстрациях — редкость сопутствующего височным подвескам инвентаря. Это всего шесть—семь сосудов (рис. 11: 4, 14, 20—21, 12: 1, 10, 16), четыре—пять единиц орудий труда, оружия или украшений (рис. 11: 15, 20; рис. 12: 9, 15) и в двух случаях — колеса от деревянных повозок (рис. 11: 21—22). И это все — на 47 погребений.

Главное же здесь другое — соотношение подвесок с особенностями погребальной обрядности. А статистика для 47 погребений Карпато-Поднестровья (без Валахии) такова: в 34 случаях (72,3%) височные подвески сопровождали погребенных в скорченном положении с поднятыми в коленях ногами (рис. 11: 1—22, 12: 2—3, 5), в 8 (17,0%) случаях — скорченных на спине с поворотом на правый бок или в сильно скорченном положении (рис. 11: 23—27) и в 5 (10,6%) случаях — скорченно на левом боку (рис. 11: 28—30, 12: 4). Таким образом, выясняется что, если рассмотренные ранее сосуды буджакского типа сочетаются с погребенными уложенными скорченно на боку (94,1%) и только в двух случаях на спине с поднятыми в коленях ногами (2,9%), то височные подвески демонстрируют противоположное соотношение — 27,6% — скорченно на боку, 72,3% — скорченно на спине с поднятыми коленями.

Составные браслеты. Отличаются простой формой в виде округлых трубочек или несколько уплощенных обоймочек или скобок, свернутых внахлест из тонких медных пластин. Первые, очевидно, свободно нанизывались на шнурки, вторые, по-видимому — закреплялись на шнурочках либо ремешках неподвижно. Их длина варьирует от 0,5 до 5—6 см при диаметре от 0,3 до 0,6 см (рис. 9: В: 1—2, 4—5), а в случае уплощенных их сечение составляет приблизительно $0,2 \times 0,5$ —1 см (рис. 9: В: 3).

Для Карпато-Поднестровья известно 63 комплекса (рис. 13: 1—63), содержащим от одной до шести—семи подобных пронизей. Соответственно, их общее число насчитывает 128 экземпляров. Как и в случае с височными подвесками, неполный перечень местонахождений этих изделий имеется в работе Л.В. Субботина (2003: 33—34). Помимо этого, еще пять комплексов с подобными изделиями известны для курганов Праховской группы (рис. 13: 64—68).

В отличие от спиралевидных подвесок, составные браслеты носились на запястьях обеих рук, приблизительно в равном соотношении, и, похоже, встречаются во всех трех половозрастных группах: детских, женских и мужских захоронениях. Хотя, из-за недостаточности антропологических определений последнее утверждение еще нуждается в уточнении. Только в единичных случаях трубочки или обоймочки найдены в области черепа, вероятно использовавшихся в качестве подвесок или в составе нагрудных украшений.

Но что же выясняется в пространственном плане? В отличие от височных подвесок (рис. 10), составные браслеты, за двумя—тремя исключениями (рис. 13: 1, 54—55), характерны только для степной зоны. И в этом отношении их ареал полностью совпадает с ареалом распространения сосудов буджакского типа (рис. 3).

Сходство, с одной стороны с буджакскими сосудами, а с другой — различие со спиралевидными подвесками отчетливо обнаруживаются и по контекстуальным признакам, как с точки зрения сопутствующего инвентаря, так и по погребальной обрядности.

На рис. 14 представлены иллюстрации 39 (из 64) комплексов, содержащих медные пронизи и другой инвентарь, происходящий из погребений с надежно документированными позами захороненных.

Сравнивая эти данные с данными по спиралевидным подвескам, легко заметить существенную разницу по численности и категориям инвентаря. Как уже отмечалось, комплексы с височными подвесками содержат единичные сосуды, оружие или орудия труда и детали повозок (рис. 11—12). Комплексы с медными пронизями чуть ли в каждом втором случае сопровождаются разнообразной керамической посудой (рис. 14). При этом, одной из ведущих форм здесь явно выступают сосуды буджакского типа (рис. 14: 3, 5, 10, 20). Чаще встречается оружие и орудия труда, из которых особого внимания заслуживают кремневые топоры—тесла и костяной наконечник стрелы (рис. 14: 3, 9).

Различия между сопоставляемыми группами по погребальной обрядности также ярко выражены. Как мы уже знаем, сосуды буджакского типа, как правило, сопровождают погребенных в скорченном положении на правом или левом боку — 38 + 26 (94,1%) и только в двух (2,9%) случаях — погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами. Близкие показатели и у комплексов с медными пронизями, которые сочетаются со скорченными «лево-» или «правобочными» (24 + 11) в 35 (81,4%) захоронениях и лишь 8 раз (18,6%) с погребенными на спине с поднятыми коленями.

Другое дело — соотношение этих двух групп с погребениями, содержащими височные подвески. В 34 (72,3%) случаях они сопровождают захороненных на спине с поднятыми в коленях ногами и только в 11 (27,7%) — погребенных в скорченном на боку положении. Для наглядности описанная ситуация графически отражена на рис. 15.

Из изложенного логически вытекает один единственный вывод — комплексы с буджакскими сосудами вместе с комплексами с медными пронизями представляют особую, обособленную от комплексов с височными подвесками, группу. А суть этой разницы можно объяснить только за счет их относительной асинхронности; разновременность, при которой первые являются более поздними, а последние — более ранними.

И здесь мы можем привести очередные новые аргументы в пользу подобной трактовки. Один из главных аргументов связан с историей происхождения и распространения самих спиралевидных височных подвесок.

Следуя исследованиям Т. Штелльнера (Stöllner 2016), мода на золотые спиральные подвески зародилась еще в IV тыс. до н.э. в Закавказье в ареале куро-араксской культуры (рис. 16). На протяжении второй половины того же тысячелетия в разных вариантах кольцевидные и спиралевидные подвески появляются в майкопской культуре Северного Кавказа, в которой они известны по многочисленным и разнообразным вариантам и изготовлены преимущественно из золота (рис. 17: А: 1—19, В: 1—21).

С распространением майкопских влияний на север и северо-запад эти украшения проникают в ареал древнеямной культуры, что засвидетельствовано курганным погребением у с. Павловское, в котором серебряная спиралевидная подвеска найдена совместно с топором майкопского типа (Синюк 1983: 25, рис. 8: 7, 10).

Однако более всего эти изделия (преимущественно из серебра) распространяются на западе, где они широко представлены в памятниках типа Койсуг-Константиновка (рис. 17: А: 20—33, В: 24—37), животиловского и постмариупольского типов (рис. 17: А: 34—42, В: 38—48) и, в особенности, в памятниках позднего Триполья типа Усатово и Гординешты (рис. 17: А: 43—54, В: 49—58).

Трудно сказать, привнесли ли ямные племена, проникнув в пределы Карпато-Поднестровья, эти украшения из степной зоны, или же они заимствовали их у местного усатовского населения на этапе их вытеснения или в результате ассимиляции? Факт, однако, остается фактом — для рассматриваемого региона это одни из наиболее древних височных подвесок.

Иначе оцениваются хронологические позиции трубчатых пронизей к составным браслетам. Да, отдельные трубчатые пронизи или скобковидные обоймочки из тонких медных пластин известны для разных культур начиная с раннего энеолита (к примеру составной браслет из Кэрбунского клада) и в более поздних культурах. Однако во всех этих культурах подобные изделия встречаются в единичных экземплярах. Применительно к эпохе бронзы юга Восточной Европы памятники буджакского типа представляют первый, наиболее ранний и единственный случай, когда мода на эти украшения приобрела массовый характер, т.е. культурное значение. Соответственно, взятые в сравнении со спиралевидными подвесками с их длительной историей развития, хронологические позиции составных медных браслетов определяются как более поздние.

Другой веский аргумент в вопросе о хронологическом соотношении рассматриваемых групп — их стратиграфическое положение (рис. 18).

Ранее уже было отмечено, что из 74 курганов с комплексами с сосудах буджакского типа, лишь в четырех из них (5,4%) эти погребения являются основными — первичными, а все остальные — впускные, т.е. совершены в более древних курганах (рис. 18: 3: *A—B*). Сходное соотношение дают и погребения с медными пронизями. Из 59 надежно документированных случаев только два (3,4%) являются основными, а все остальные (96,6%) — вторичные, впускные (рис. 18: 2: *A—B*).

Иначе проявляют себя погребения со спиралевидными височными подвесками. Из 82 учтенных комплексов, 35 из них (42,7%) являются основными, а остальные 47 (57,3%) — вторичными, впускными (рис. 18: 1: *A—B*).

Таким образом, что с позиций хронологии спиралевидных подвесок и медных пронизей к составным браслетам, что с позиций их стратиграфического соотношения, мы неизменно приходим к одному и тому же выводу — погребения со спиралевидными подвесками являются относительно более ранними, а погребения с буджакскими сосудах и медными пронизями — более поздними.

Итак, мы проанализировали территориальное и хронологическое проявление всего лишь трех типов изделий (сосудов типа буджак, спиралевидные подвески и пронизи к составным браслетам) с учетом особенностей погребальной обрядности содержащих их комплексов. Для полноты картины в этот анализ следовало бы включить еще целый ряд категорий и типов изделий, работающих на раскрытие внутренней периодизации ямной культуры рассматриваемого региона. Они были нами определены еще 40 лет назад. Речь идет об антропоморфных стелах, остатках повозок и, конечно же, о целой серии форм керамики (Дергачев 1986: 75, 84, рис. 18, 19). Однако привлечение большого объема нового, накопившегося за последние десятилетия керамического материала, предполагает предварительную разработку ее классификации, что, разумеется, не входит в задачу данной статьи.

Поэтому для более полной ориентации читателя, здесь мы ограничимся двумя сводными иллюстрациями, составленными на основе соотношения разных категории и типов изделий из разнотипных погребений: с одной стороны — скорченными на спине с поднятыми в коленях ногами, а с другой — скорченными на спине с разворотом на один из боков или — просто скорченными на боку, т.е. речь идет о позах имеющих, как известно, хронологическое значение. Прокомментируем вкратце эти иллюстрации.

Категории и типы сочетающиеся или коррелирующие со скорченными на боку погребениями — рис. 19. Погребения, в целом, отличаются чрезвычайно богатым и разнообразным инвентарем.

Особым разнообразием выделяется керамический комплекс, который в большинстве своем включает оригинальные (т.е. отсутствующие в других культурах) формы, представленные к тому же десятками экземпляров. Это чашевидные формы: с двумя ручками—налепами с вертикальными отверстиями — рис. 19: I: 1—7 или без таковых — рис. 19: I: 8—15; миски конические — рис. 19: I: 16—18 или полусферические — рис. 19: I: 19—23.

Сполна представлены амфоровидные сосуды: с налипными ручками—упорами с вертикальными отверстиями — рис. 19: II: 1—11 и амфоры высоких пропорций с ленточными ручками — рис. 19: II: 12—17.

Своеобразны относительно многочисленные кубковидные формы — рис. 19: III: 1—7), аски — рис. 19: IV: 1—4; кувшины — рис. 19: IV: 5—6 и одноручные кружки—чаши — рис. 19: IV: 7—12.

Внимание обращают на себя своеобразный комплекс орудий труда и оружия: кремневые топоры—тесла — рис. 19: V: 1—4 и костяные наконечники стрел — рис. 19: IV: 5—7.

О своеобразии комплекса украшений сказано достаточно (рис. 19: VI: 1—3). Из других категорий инвентаря сравнительно редко сопровождающих скорченные на боку захоронения следует упомянуть антропоморфные стелы — рис. 19: VI: 4—7 и детали от повозок — рис. 19: VI: 8—9.

Совершенно другую картину демонстрирует инвентарь, сопровождающий погребенных на спине с поднятыми в коленях ногами — рис. 20. В отличие от группы рассмотренной выше, эти погребения не обнаруживают собственных форм — чашевидных и/или мисковидных сосудов. Единственным исключением здесь является чаша с S-образным профилем явно импортного происхождения (рис. 20: I: 1).

Не лучшим образом обстоит дело и с амфоровидными сосудами. Единичны в этих погребениях амфоры с ручками—налепами с вертикальными отверстиями, определено заимствованные от носителей ранее охарактеризованной группы — рис. 20: II: 1—4). Редкими экземплярами представлены импортные сосуды культуры шаровидных амфор — рис. 20: II: 5—8, встречающиеся на Среднем Пруте. Также единичными являются амфоры высоких пропорций — рис. 20: II: 12—11 и амфоры с шаровидным туловом — рис. 20: II: 12—14. Сказанное в равной степени касается кубковидных форм, асков и кувшинов, в единичных случаях встречающиеся в комплексах степной зоны — рис. 20: III: 1—4 и рис. 20: IV: 1—2.

Эти памятники сопровождают орудия труда и оружие из камня (топоры), кремня (наконечники стрел, ножи) или меди—бронзы, но они единичны и к тому же, носят общекультурный или «эпохальный» характер, поэтому заполнить эту колонку практически нечем — рис. 20: V.

Наиболее частыми и своеобразными для этой группы выступают три основные категории инвентаря, относящиеся к «общему» культурному горизонту. Это, уже известные, спиралевидные подвески — рис. 20: VI: 1—3; антропоморфные стелы — рис. 20: VI: 4—9 и детали от повозок — рис. 20: VI: 10—15, концентрирующиеся преимущественно в степной зоне, но в определенной степени присутствующие и в лесостепной зоне.

Поскольку, рассмотренные группы выстроены на основе особенностей погребальной обрядности (имеющей хронологическое значение), они проявляют себя как относительно устойчивые сочетания своеобразных качественных и количественных показателей. Поэтому нетрудно догадаться, что они, по сути, и есть отражение двух основных периодов в развитии ямной культуры Карпато-Поднестровья: раннего — представленного на рис. 20 и позднего — представленного на рис. 19.

Выводы. Как составная часть сложного культурного образования — ямной культурно-исторической области (или общности), в номенклатурном отношении, за памятники Карпато-Поднестровья, вопреки рекомендациям Л. С. Клейна (2016: 6), думается, было бы правильнее закрепить статус регионального образования, с названием — Карпато-Днестровский региональный вариант, в отличие от Балканского, Потисского, Южнобугского или других региональных вариантов более восточных территорий.

В пределах же Карпато-Днестровского регионального варианта, памятники можно отчетливо разделить на два периода: ранний, условно скажем — днестровский и поздний — буджакский, с акцентом не столько на их территориальную обособленность, сколько на их хронологические различия.

Литература

- Дергачев В.А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы*. Кишинев: Штиинца.
- Иванова С.В. 2001. *Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Друк.
- Иванова С.В. 2001—2002. Бинарные оппозиции в погребальном обряде ямной культуры. *Stratum plus* 2, 308—316.
- Иванова С.В. 2012. Об истоках формирования буджакской культуры. *ССПК XVI*, 48—62.
- Иванова С.В. 2013а. Ямная (Буджакская) культура. В: Бруяко И.В., Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМІЛ, 211—254.
- Иванова С.В. 2013b. Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад-Восток. *Stratum plus* 2, 199—257.
- Иванова С.В. 2014. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. *РА* 2, 5—20.
- Иванова С.В. 2016. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке. В: Алёкшин В.А. (отв. ред.). *Внешние и внутренние связи (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н.э.)*. *Круглый стол, посвященный 80-летию С.Н. Братченко*. Санкт-Петербург. 14—15 ноября 2016 г.). *Материалы*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 59—64.
- Иванова С.В. 2020. Імпорт або імітація: про особливості буджакської культури Північно-Західного Причорномор'я. *АДІУ* 4(37), 182—198.
- Клейн Л.С. 2007. *Древние миграции и происхождение индоевропейских народов*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Клейн Л.С. 2016. Ямная, буджакская и ДНК. В: Алёкшин В.А. (отв. ред.). *Внешние и внутренние связи (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V—II тыс. до н.э.)*. *Круглый стол, посвященный 80-летию С.Н. Братченко*. Санкт-Петербург. 14—15 ноября 2016 г.). *Материалы*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 6—13.
- Клейн Л.С. 2017. Ямная, не ямная (обзор современных работ о курганных погребениях Подунавья). *Stratum plus* 2, 361—376.
- Мерперт Н.Я. 1968. *Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.)*: дисс. ... д-ра ист. наук. Москва: ИА АН СССР.
- Мерперт Н.Я. 1974. *Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья*. Москва: Наука.
- Петренко 2007: Личный архив В.А. Дергачева. Петренко В.Г. Отчет Приднестровской экспедиции о раскопках в 2006 г. второго Беляевского кургана. Одесса. 2007.
- Синюк А.Т. 1983. *Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Павловский курган*. Воронеж: Воронежский университет.
- Субботин Л.В. 2000. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы. *Stratum plus* 2, 350—387.
- Субботин Л.В. 2003. Орудия труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. *Материалы по Археологии Украины* 1.
- Черняков и др. 1986: Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. *Холмские курганы*. В: Станко В.Н. (отв. ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 53—96.

- Шапошникова и др. 1986: Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. *Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант)*. Киев: Наукова думка (САИ В1-3).
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1970. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1965 гг.). *МАСП* 6, 5—115.
- Яровой Е.В. 1985. *Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда)*. Кишинев: Штиинца.
- Ivanova S.V. 2013. Connection between the Budzhak Culture and Central European groups the Corded Ware Culture. *BPS* 18, 86—120.
- Ivanova S.V., Toshev G.N. 2015. Late Eneolithic and Bronze age Prologue Pontic societies Forest-Steppe middle Dniester and Prut drainage basins in the 4Th/3Rd2Nd millenniuv DCŞ F History of investigations. *BPS* 20, 7—39.
- Kaiser E. 2019. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische studien zu prähistorischer subsistenzwirtschaft und interaktion mit benachbarten räumen. *Berlin Studies of the Ancient World* 37.
- Klochko et al. 2015: Klochko V., Koško A., Potupchyk M., Włodarczak P., Żurkiewicz D., Ivanova S. 2015. Tripolye (Gordinești group), Yamnaya and Catacomb Culture Cemeteries. Prydnistrianske. Site I, Yampil region, Vinnitsa oblast: an Archaeometric and Chronometric Description and a Taxonomic and Topogenetic Discussion. *BPS* 20, 183—255.
- Stöllner T. 2016. The Beginnings of Social Inequality: Consumer and Producer Perspectives from Transcaucasia in the 4th and the 3rd Millennia BC. In: Bartelheim M., Horejs B., Krauß R. (Hrsg.) *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka*. Raden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 209—234 (Oriental and European archaeology 3).

References

- Dergaciov, V.A. 1986. *Moldaviya i sosedniye territorii v epokhu bronzy (Moldova and neighboring territories in the Bronze Age)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2001. *Sotsial'naya struktura naseleniya yamnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Social structure of the Yamnaya culture population of the North-Western Black Sea region)*. Odessa: Druk (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2001—2002. In *Stratum plus* 2, 308—316 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2012. In *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea Coast and Crimea)* XVI, 48—62 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2013a. In: Bruyako, I.V., Samoylova, T.L. (eds.). *Drevniye kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Ancient cultures of the North-Western Black Sea region)*. Odessa: SMIL, 211—254 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2013b. In *Stratum plus* 2, 199—257 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2014. In *Rossiyskaya Arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 5—20 (in Russian).
- Ivanova, S.V. 2016. In: Alekshin, V.A. (ed.). *Vneshniye i vnutrenniye svyazi (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n.e.). Kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu S.N. Bratchenko. Sankt-Peterburg. 14—15 noyabrya 2016 g.). Materialy (External and internal relations (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th — 2nd millennium BCE). Round table dedicated to the 80th Aniversary of S.N. Bratchenko. Saint Petersburg. 14—15 November 2016). Materials). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 59—64 (in Russian).*
- Ivanova, S.V. 2020. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 4(37), 182—198 (in Ukrainian).
- Klein, L.S. 2007. *Drevniye migratsii i proiskhozhdeniye indoevropeyskikh narodov (Ancient migrations and the origin of Indo-European peoples)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Klein, L.S. 2016. In: Alekshin, V.A. (ed.). *Vneshniye i vnutrenniye svyazi (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Yevropy v eneolite i bronzovom veke (V—II tys. do n.e.). Kruglyy stol, posvyashchennyy 80-letiyu S.N. Bratchenko. Sankt-Peterburg. 14—15 noyabrya 2016 g.). Materialy (External and internal relations (cattle-breeding) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and Bronze Age (5th — 2nd millennium BCE). Round table dedicated to the 80th Aniversary of S.N. Bratchenko. Saint Petersburg. 14—15 November 2016). Materials). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 6—13 (in Russian).*
- Klein, L.S. 2017. In *Stratum plus* 2, 361—376 (in Russian).

- Merpert, N.Ya. 1968. The earliest history of the population of the steppe zone of Eastern Europe (3rd — the beginning of the millennium BCE). Dr. habil. Thesis. Moscow: IA AN SSSR (in Russian).
- Merpert, N.Ya. 1974. *Drevneyshiye skotovody Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya* (*The most ancient pastoralists of the Volga-Ural interfluvium*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Petrenko 2007: Lichnyy arkhiv V.A. Dergacheva. Petrenko V.G. Otchet Pridnestrovskoy ekspeditsii o raskopkakh v 2006 g. vtorogo Belyayevskogo kurgana. Odessa. 2007.
- Sinyuk, A.T. 1983. *Kurgany epokhi bronzы Srednego Dona. Pavlovskiy kurgan* (*Mounds of the Bronze Age of the Middle Don. Pavlovsky mound*). Voronezh: Voronezhskiy universitet (in Russian).
- Subbotin, L.V. 2000. In *Stratum plus* 2, 350—387 (in Russian).
- Subbotin, L.V. 2003. In *Materialy po Arkheologii Ukrainy* (*Materials on Archaeology of Ukraine*) 1 (in Russian).
- Chernyakov i dr. 1986: Chernyakov, I.T., Stanko, V.N., Gudkova, A.V. 1986. In: Stanko, V.N. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* (*Research in the archeology of the North-Western Black Sea region*). Kyiv: Naukova dumka, 53—96 (in Russian).
- Shaposhnikova i dr. 1986: Shaposhnikova, O.G., Fomenko, V.N., Dovzhenko, N.D. *Yamnaya kul'turno-istoricheskaya oblast' (Yuzhnobugskiy variant)* (*Yamnaya cultural-historical region (Yuzhnobug variant)*). Kyiv: Naukova dumka (Corpus of Archaeological Sources V1-3) (in Russian).
- Shmagliy, N.M., Chernyakov, I.T. 1970. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* (*Materials on the archeology of the Northern Black Sea region*) 6, 5—115 (in Russian).
- Yarovoy, E.V. 1985. *Drevneyshiye skotovodcheskiye plemena Yugo-Zapada SSSR (klassifikatsiya pogrebal'nogo obryada)* (*The oldest cattle-breeding tribes of the South-West of the USSR (classification of the funeral rite)*). Kishinev: Shtiintsa.
- Ivanova, S.V. 2013. Connection between the Budzhak Culture and Central European groups the Corded Ware Culture. *BPS* 18, 86—120.
- Ivanova, S.V., Toshev, G.N. 2015. Late Eneolithic and Bronze age Prologue Pontic societies Forest-Steppe middle Dniester and Prut drainage basins in the 4Th/3Rd2Nd millenniuv DCŞ F History of investigations. *BPS* 20, 7—39.
- Kaiser, E. 2019. Das dritte Jahrtausend im osteuropäischen Steppenraum. Kulturhistorische studien zu prähistorischer subsistenzwirtschaft und interaktion mit benachbarten räumen. *Berlin Studies of the Ancient World* 37.
- Klochko et al. 2015: Klochko, V., Koško, A., Potupchyk, M., Włodarczak, P., Żurkiewicz, D., Ivanova, S. 2015. Tripolye (Gordineşti group), Yamnaya and Catacomb Culture Cemeteries. Prydnistrianske. Site I, Yampil region, Vinnitsa oblast: an Archaeometric and Chronometric Description and a Taxonomic and Topogenetic Discussion. *BPS* 20, 183—255.
- Stöllner, T. 2016. The Beginnings of Social Inequality: Consumer and Producer Perspectives from Transcaucasia in the 4th and the 3rd Millennia BC. In: Bartelheim, M., Horejs, B., Krauß, R. (Hrsg.) *Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer. Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka*. Raden/Westf: Verlag Marie Leidorf GmbH, 209—234 (Oriental and European archaeology 3).

Рис. 1. Сосуды тип Буджак (1–16 — орнаментированные; 17–28 — неорнаментированные; 29–30 — миниатюрные): 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Червоный Яр I, 1/2; 3 — Дивизия II, 6/3; 4 — Урсоая 3/12; 5 — Глубокое 1/25; 6 — Рошкань 1/13; 7 — Григорьевка 1/12; 8 — Березки разрушенное погребение; 9 — Светлый 3/10; 10 — Мокра 1/3; 11 — Сэрэтень 6/4; 12 — Маяки III, 9/1; 13 — Ефимовка 3/5; 14–15 — Траповка 1/8; 16 — Семеновка 19/4; 17 — Муригиол 4/6; 18 — Гура Быкулуй 3/2; 19 — Маяки IV, 1/1; 20 — Рэскэций Ной 2/12; 21 — Баштановка 4/25; 22 — Редова 3/7; 23 — Красное 9/23; 24 — Джурджулешть 2/4; 25 — Новокаменка 1/насыпь; 26 — Никольское 10/4; 27 — Олэнешть 6/14; 28 — Влэнешть 1/2; 29 — Олэнешть 1/26; 30 — Яски 6/14 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 1. Vessels type Budzhak (1–16 — ornamented; 17–28 — non-ornamented; 29–30 — miniature): 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Chervonyi Yar I, 1/2; 3 — Diviziya II, 6/3; 4 — Ursoaya 3/12; 5 — Glubokoye 1/25; 6 — Roshkan' 1/13; 7 — Grigor'yevka 1/12; 8 — Berezki destroyed burial; 9 — Svetlyi 3/10; 10 — Mokra 1/3; 11 — Sereten' 6/4; 12 — Mayaki III, 9/1; 13 — Efimovka 3/5; 14–15 — Trapovka 1/8; 16 — Semenovka 19/4; 17 — Murigiol 4/6; 18 — Gura Bykuluy 3/2; 19 — Mayaki IV, 1/1; 20 — Reskeyetsiy Noy 2/12; 21 — Bashtanovka 4/25; 22 — Revova 3/7; 23 — Krasnoye 9/23; 24 — Dzhurdzhulesht' 2/4; 25 — Novokamenka 1/embankment; 26 — Nikol'skoye 10/4; 27 — Olenesht' 6/14; 28 — Vledesht' 1/2; 29 — Olenesht' 1/26; 30 — Yasski 6/14 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 2. Метрические показатели сосудов типа Буджак (вертикаль — максимальная высота, горизонталь — максимальный диаметр): 1 — орнаментированные, 2 — неорнаментированные, 3 — миниатюрные.

Fig. 2. Metric indicators of Budzhak-type vessels (vertical — maximum height, horizontal — maximum diameter): 1 — ornamented, 2 — non-ornamented, 3 — miniature.

Рис. 3. Местонахождения сосудов тип Буджак (ареал сосудов буджакского типа (прерывистая линия) в соотношении с ареалом памятников ямной культуры Карпато-Поднестровья (сплошная линия). Нумерация местонахождений соответствует числу комплексов, содержащих рассматриваемый тип: 1 — Мокра 1/3; 2—3 — Дубэсарий-Ной 4/4, 31/7; 4 — Красное 9/23; 5 — Тираспольщина; 6—7 — Никольское 7/45, 10/4; 8 — Новокотовск 1/25; 9 — Григорьевка 1/10; 10 — Редова 3/7; 11 — Великозименово 1/2; 12 — Щербанка 1/10; 13 — Старые Биллары 1/14; 14 — Вапнярка 4/16; 15—17 — Яски 2/5, 3/16, 6/14; 18 — Беляевка 2/10; 19—22 — Маяки III, 2/7, IV, 1/1, 3/1, 9/1; 23—25 — Ефимовка 2/14, 3/5, 6/6; 26 — Брэвичень 16/9; 27—28 — Коржово 2/13, 8/4; 29 — Кирка 1/7; 30 — Березки разрушенное погребение; 31 — Рошкань 1/13; 32—33 — Гура Быкулуй 3/2, 5/13; 34 — Урсоая 3/12; 35 — Кырнэнь 6/19; 36 — Чобручи 4/10; 37 — Рэскеэций-Ной 2/12; 38 — Пояска 1/9; 39 — Пуркарь 1/23; 40—41 — Олэнешть 1/26, 6/4; 42 — Кэплань 1/15; 43—47 — Семеновка 2/2, 8/18, 12/2, 14/21, 19/4; 48 — Садовое 1/18; 49 — Монаши 1/5; 50—51 — Широкое (Алкалия) 5/3, 5/6; 52 — Дивизия 2, 6/3; 53—55 — Михайловка 3/6, 3/8, 3/12; 56 — Траповка 1/8; 57—58 — Вишнево 17/31, 17/36; 59 — Новоселица 19/19; 60 — Желтый Яр 3/12; 61 — Баштановка 4/25; 62 — Глубокое 1/25; 63—64 — Нерушай 9/56, 9/74; 65 — Приморское 1/34; 66 — Холмское 1/4; 67 — Червоный Яр 1, 1/2; 68 — Кислица 8/16; 69 — Новокаменка 1/нас.; 70—71 — Плавни 9/12, 15/5; 72 — Нагорное 14/15; 73 — Фрикацей 10/14; 74 — Етулия 2, 1/6; 75 — Джурджулешть 2/14; 76 — Светлый 3/10; 77—78 — Сэрэтьень 3/13, 6/4; 79 — Влэдешть 1/2; 80 — Муригиол 4/6 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 3. Locations of vessels of the Budzhak type (the area of the vessels of the Budzhak type (dashed line) in relation to the area of the sites of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region (solid line). The numbering of the locations corresponds to the number of complexes containing the type under consideration: 1 — Mokra 1/3; 2—3 — Dubesariy-Noy 4/4, 31/7; 4 — Krasnoye 9/23; 5 — Tiraspol'shchina; 6—7 — Nikol'skoye 7/45, 10/4; 8 — Novokotovsk 1/25; 9 — Grigor'yevka 1/10; 10 — Revova 3/7; 11 — Velikozimenovo 1/2; 12 — Shcherbanka 1/10; 13 — Staryye Bilyary 1/14; 14 — Vapnyarka 4/16; 15—17 — Yasski 2/5, 3/16, 6/14; 18 — Belyayevka 2/10; 19—22 — Mayaki III, 2/7, IV, 1/1, 3/1, 9/1; 23—25 — Yefimovka 2/14, 3/5, 6/6; 26 — Brevichen' 16/9; 27—28 — Korzhovo 2/13, 8/4; 29 — Kirka 1/7; 30 — Berezki destroyed burial; 31 — Roshkan' 1/13; 32—33 — Gura Bykuluy 3/2, 5/13; 34 — Ursoaya 3/12; 35 — Kyrnetsen' 6/19; 36 — Chobruchi 4/10; 37 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 38 — Popyaska 1/9; 39 — Purkar' 1/23; 40—41 — Olenesht' 1/26, 6/4; 42 — Keplan' 1/15; 43—47 — Semenovka 2/2, 8/18, 12/2, 14/21, 19/4; 48 — Sadovoye 1/18; 49 — Monashi 1/5; 50—51 — Shirokoye (Alkaliya) 5/3, 5/6; 52 — Diviziya 2, 6/3; 53—55 — Mikhaylovka 3/6, 3/8, 3/12; 56 — Trapovka 1/8; 57—58 — Vishnevoye 17/31, 17/36; 59 — Novoselitsa 19/19; 60 — Zheltyy Yar 3/12; 61 — Bashtanovka 4/25; 62 — Glubokoye 1/25; 63—64 — Nerushay 9/56, 9/74; 65 — Primorskoye 1/34; 66 — Kholmskoye 1/4; 67 — Chervonny Yar 1, 1/2; 68 — Kislitsa 8/16; 69 — Novokamenka 1/nas.; 70—71 — Plavni 9/12, 15/5; 72 — Nagornoye 14/15; 73 — Frikatsey 10/14; 74 — Yetuliya 2, 1/6; 75 — Dzhurdzhulesht' 2/14; 76 — Svetlyy 3/10; 77—78 — Sereten' 3/13, 6/4; 79 — Vledesht' 1/2; 80 — Murigiol 4/6 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 4. Сосуды буджакского типа и их контекст (1—18 — «левобочные», 19—32 — «правобочные» погребения; 33—34 — на спине с поднятыми в коленях ногами, 35—36 — расчлененные костяки): 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Красное 9/23; 3 — Никольское 10/4; 4 — Глубокое 1/25; 5 — Урсоая 3/12; 6 — Сэрэтенъ 6/4; 7 — Садовое 1/18; 8 — Семеновка 8/18; 9 — Дивизия 2, 6/3; 10 — Великозименово 1/2; 11 — Глубокое 1/25; 12 — Гура-Быкулуй 5/13; 13 — Григорьевка 1/12; 14 — Семеновка 2/2; 15 — Широкое (Алкалия) 5/6; 16 — Нагорное 14/15; 17 — Влэдешть 1/2; 18 — Приморское 1/34; 19 — Ефимовка 6/6; 20 — Маяки III, 3/1; 21 — Маяки IV, 1/1; 22 — Вапнярка 4/16; 23 — Пуркаръ 1/23; 24 — Плавни 15/5; 25 — Чобручи 4/10; 26 — Коржево 8/4; 27 — Олэнешть 6/14; 28 — Сэрэтенъ 3/13; 29 — Пояска 1/9; 30 — Кислица 8/16; 31 — Слободзея 1/25; 32 — Рэскэций Ной 2/12; 33 — Маяки III, 2/7; 34 — Новоселица 19/19; 35 — Никольское 7/45; 36 — Траповка 1/8 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 4. Vessels of the Budzhak type and their context (1—18 — “left-sided”, 19—32 — “right-side” burials; 33—34 — on the back with raised legs at the knees, 35—36 — dismembered bones): 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Krasnoye 9/23; 3 — Nikol'skoye 10/4; 4 — Glubokoye 1/25; 5 — Ursoaya 3/12; 6 — Sereten' 6/4; 7 — Sadovoye 1/18; 8 — Semenovka 8/18; 9 — Diviziya 2, 6/3; 10 — Velikozimenovo 1/2; 11 — Glubokoye 1/25; 12 — Gura-Bykuluy 5/13; 13 — Grigor'yevka 1/12; 14 — Semenovka 2/2; 15 — Shirokoye (Alkaliya) 5/6; 16 — Nagornoye 14/15; 17 — Vledesht' 1/2; 18 — Primorskoye 1/34; 19 — Yefimovka 6/6; 20 — Mayaki III, 3/1; 21 — Mayaki IV, 1/1; 22 — Vapnyarka 4/16; 23 — Purkar' 1/23; 24 — Plavni 15/5; 25 — Chobruchi 4/10; 26 — Korzhevo 8/4; 27 — Olenesht' 6/14; 28 — Sereten' 3/13; 29 — Popyaska 1/9; 30 — Kislitsa 8/16; 31 — Slobodzeya 1/25; 32 — Reskeyetsiy Noy 2/12; 33 — Mayaki III, 2/7; 34 — Novoselitsa 19/19; 35 — Nikol'skoye 7/45; 36 — Trapovka 1/8 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 5. Характеристики погребальной обрядности захоронений с сосудами типа Буджак. Позы погребенных: I — «левобочные»; II — «правобочные»; III — на спине с поднятыми коленями; IV — расчлененные костяки. Основных (в центре — 5%), и впускных — периферийных с учетом их места в насыпи — 95%. Ориентация впускных: V — по часовой стрелке, VI — против часовой стрелки.

Fig. 5. Characteristics of the funeral rituals of burials with vessels of the Budzhak type. Poses of the buried: I — “left-sided”; II — “right-sided”; III — on the back with raised knees; IV — dissected skeletons. The main (in the center — 5%), and the inlet — peripheral, taking into account their place in the embankment — 95%. Inlet orientation: V — clockwise, VI — counterclockwise.

Рис. 6. Курганы с основными (центральными) погребениями с сосудами буджакского типа.

Fig. 6. Mounds with main (central) burials with vessels of the Budzhak type.

НИКОЛЬСКОЕ К7

ГЛУБОКОЕ К1

НЕРУШАЙ К9

C

1

ХОЛМСКОЕ К2

D

1

Рис. 7. Примеры планировки разнотипных погребений ямной культуры (А—С) в соотношении с катакомбными захоронениями (D). На планах курганов сохранены только интересующие нас погребения, из которых: изначальные — усатовские и (или) ямные на спине с поднятыми коленями и хронологически неопределенные кенотафы отражены тонкими контурами, предположительно буджакские — жирными, а катакомбные — тонкими линиями, заполненные серым фоном.

Fig. 7. Examples of layouts of different types of burials of the Yamnaya culture (A—C) in relation to catacomb burials (D). On the plans of the mounds, only the burials of interest to us are preserved, of which: the original ones — Usatovskiy and (or) Yamnaya on the back with raised knees and chronologically indefinite cenotaphs are reflected in thin contours, presumably Budzhak ones — in bold, and catacomb ones — in thin lines filled with a gray background.

Рис. 8. Комплексы катакомбной культуры (1—2) из Буджакской степи и позднеямной культуры Южного Побужья (3—4) с буджакскими сосудами: 1 — Вишневое 17/31; 2 — Беляевка 2/10; 3 — Ковалевка VIII, 1/10; 4 — Корчино 1/10 (1 — по Субботин 1985; 2 — по Петренко 2007; 3 — Шапошникова и др. 1986; 4 — Ковпаненко, Гаврилюк 2004).

Fig. 8. Complexes of catacomb culture (1—2) from the Budzhak steppe and late pit culture of the Southern Pobuzhye (3—4) with Budzhak vessels: 1 — Vishnevoye 17/31; 2 — Belyayevka 2/10; 3 — Kovalevka VIII, 1/10; 4 — Korchino 1/10 (1 — after Subbotin 1985; 2 — after Petrenko 2007; 3 — after Shaposhnikova i dr. 1986; 4 — after Kovpanenko, Gavrilyuk 2004).

Рис. 9. А — Височные подвески (спиралевидные): 1 — Олэнешть 1/16; 2 — Плавни 26/7; 3 — Доброалександровка 1/5; 4 — Чобручи 1/11; 5 — Жиуржулешть 1/9; 6 — Траповка 1/9; 7 — Широкое (Алкалия) 33/3; 8 — Тараклия 2, 10/10; **рогаликовидные:** 9 — Рошкань 1/19; 10 — Орхей 1/2; 11 — Брэвичень 2/7 (1, 3, 5, 7—11 — серебро; 2 — золото; 4, 6 — медь ?). **В — составные браслеты:** 1 — Лиман 3А/30; 2 — Глубокое 1/24; 3 — Алкалия 33/3; 4 — Рошкань 1/13; 5 — Борисовка 9/6 (по Субботин 2003) (медь?) (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 9. A — Temple pendants (spiral): 1 — Olenesht' 1/16; 2 — Plavni 26/7; 3 — Dobroaleksandrovka 1/5; 4 — Chobruchi 1/11; 5 — Zhiurzhulessht' 1/9; 6 — Trapovka 1/9; 7 — Shirokoye (Alkaliya) 33/3; 8 — Tarakliya 2, 10/10; **bagel-shaped:** 9 — Roshkan' 1/19; 10 — Orkhey 1/2; 11 — Brevichen' 2/7 (1, 3, 5, 7—11 — silver; 2 — gold; 4, 6 — copper ?). **B — compound bracelets:** 1 — Liman 3A/30; 2 — Glubokoye 1/24; 3 — Alkaliya 33/3; 4 — Roshkan' 1/13; 5 — Borisovka 9/6 (after Subbotin 2003) (copper?) (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 10. Комплексы со спиралевидными височными подвесками ямной культуры Карпато-Поднестровья (нумерация местонахождений соответствует числу комплексов): 1 — Писаривка 5/1; 2 — Кузьмин 3/2; 3—4 — Красное 2/5, 9/19; 5 — Ближний Хутор 33/1; 6 — Тирасполь 2, 3/18; 7 — Никольское 1/11; 8 — Чобручи 2, 1/11; 9 — Катаржино 1/11; 10 — Бараново «Солдатская слава» 1/10; 11—12 — Яски 1/18, 5/22; 13 — Ефимовка 10/10; 14 — Доброалександровка 1/5; 15 — Одесса «Слободка-Романовка» 1/15; 16 — Санжейка 1/8; 17 — Каролино-Бугаз 1/1; 18 — Мэркулешть 3/5; 19 — Бурсучень 1/12; 20—21 — Брэвичень 2/8, 7/2; 22—23 — Орхей 1/2, 1/6; 24—25 — Рошкань 1/19, 2/3; 26—27 — Гура Быкулуй 5/3, 7/1; 28 — Хажимус 2/7; 29 — Кэушень 1/13; 30—31 — Талмаза 1/6, 3/4; 32 — Пуркарь 1/31; 33—34 — Олэнешть 1/16, 6/8; 35—36 — Садовое 1/26, 1/32; 37—38 — Алкалия 33/7, 33/9; 39—40 — Дивизия 2, 5/8, 6/6; 41 — Белолесье 7/4; 42 — Траповка 1/9; 43—44 — Новоселица 19/11, 21/1; 45—46 — Глубокое 1/7, 1/26; 47 — Нерушай 1/14; 48 — Приморское 1/32; 49—51 — Холмское 2/30, 2/37, 8/6; 52—53 — Островное 2/6, 2/7; 54 — Шевченко 3/6; 55 — Парапоры 1/20; 56 — Утконосовка 6/1; 57 — Богатое 2/11; 58 — Плавни 8/31; 59 — Лиман 7/3; 60 — Мрестнота Могила 2/7; 61—62 — Курчи 2/10, 20/16; 63 — Огородное 3, 1/6; 64—66 — Джурджулешть 2/9, 3/8, 5/5; 67 — Гэвэноаса 4/3; 68—71 — Тараклия 2, 3/7, 10/19, 14/3, 18/10; 72—74 — Балабану 2/1, 13/12, 13/15; 75—76 — Казаклия 3/7, 23/10; 77 — Петрешть 1/8; 78 — Яблони 1/17; 79 — Дуруитоареа-Ноуэ 5/5; 80 — Куконештий-Векь 12/4; 81—82 — Бэдражий-Векь 6/7, 25/12; 83 — Думень 1/2; 84 — Корпач 8/12; 85 — Тецкань 1/10; 86—87 — Глэвэнештий-Векь 2/3, 2/10; 88 — Броштень 1/1; 89 — Влэдешть 2/2; 90 — Вынэторь 1/13; 91 — Килия-Веке 1/89; 92—93 — Михай-Браву 1/4, 2/?; 94 — Сабанжия 3/1; 95—96 — Рахман 1/2, 2/3; 97 — Смейень 1/7; 98—100 — Гурбенешть 1/2, 2/7, 2/12; 101—102 — Блэжой 4/1, 3/?; 103 — Тыргшору-Ноу 1/2; 104—106 — Аричешть-Рахтиван 1/1, 1/2, 4/5; 107 — Вербица 2/?; 108 — Пленица 2/1; 109 — Зимнича — грунтовый могильник, погребения: 4, 9, 11, 16, 20 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 10. Complexes with spiral temporal pendants of the pit culture of the Carpathian-Dniester region (the numbering of localities corresponds to the number of complexes): 1 — Pisarivka 5/1; 2 — Kuz'min 3/2; 3—4 — Krasnoye 2/5, 9/19; 5 — Blizhniy Khutor 33/1; 6 — Tiraspol 2, 3/18; 7 — Nikol'skoye 1/11; 8 — Chobruchi 2, 1/11; 9 — Katarzhino 1/11; 10 — Baranovo "Soldatskaya slava" 1/10; 11—12 — Yasski 1/18, 5/22; 13 — Yefimovka 10/10; 14 — Dobroaleksandrovka 1/5; 15 — Odessa "Slobodka-Romanovka" 1/15; 16 — Sanzheyka 1/8; 17 — Karolino-Bugaz 1/1; 18 — Merkulesht' 3/5; 19 — Bursuchen' 1/12; 20—21 — Brevichen' 2/8, 7/2; 22—23 — Orkhey 1/2, 1/6; 24—25 — Roshkan' 1/19, 2/3; 26—27 — Gura Bykuluy 5/3, 7/1; 28 — Khazhimus 2/7; 29 — Keushen' 1/13; 30—31 — Talmaza 1/6, 3/4; 32 — Purkar' 1/31; 33—34 — Olenesht' 1/16, 6/8; 35—36 — Sadovoye 1/26, 1/32; 37—38 — Alkaliya 33/7, 33/9; 39—40 — Diviziya 2, 5/8, 6/6; 41 — Beloles'ye 7/4; 42 — Trapovka 1/9; 43—44 — Novoselitsa 19/11, 21/1; 45—46 — Glubokoye 1/7, 1/26; 47 — Nerushay 1/14; 48 — Primorskoye 1/32; 49—51 — Kholmskoye 2/30, 2/37, 8/6; 52—53 — Ostrovnoye 2/6, 2/7; 54 — Shevchenko 3/6; 55 — Parapory 1/20; 56 — Utkonosovka 6/1; 57 — Bogatoye 2/11; 58 — Plavni 8/31; 59 — Liman 7/3; 60 — Mrestnota Mogila 2/7; 61—62 — Kurchi 2/10, 20/16; 63 — Ogorodnoye 3, 1/6; 64—66 — Dzhurdzhulesht' 2/9, 3/8, 5/5; 67 — Gevenoasa 4/3; 68—71 — Tarakliya 2, 3/7, 10/19, 14/3, 18/10; 72—74 — Balabanu 2/1, 13/12, 13/15; 75—76 — Kazakliya 3/7, 23/10; 77 — Petresht' 1/8; 78 — Yablona 1/17; 79 — Duruitoarea-Noue 5/5; 80 — Kukoneshtiy-Vek' 12/4; 81—82 — Bedrazhiy-Vek' 6/7, 25/12; 83 — Dumen' 1/2; 84 — Korpach 8/12; 85 — Tetskan' 1/10; 86—87 — Gleveneshtiy-Vek' 2/3, 2/10; 88 — Broshten' 1/1; 89 — Vledesht' 2/2; 90 — Vynetor' 1/13; 91 — Kiliya-Veke 1/89; 92—93 — Mikhay-Bravu 1/4, 2/?; 94 — Sabanzhiya 3/1; 95—96 — Rakhman 1/2, 2/3; 97 — Smeyen' 1/7; 98—100 — Gurbenesht' 1/2, 2/7, 2/12; 101—102 — Blezhoy 4/1, 3/?; 103 — Tyrgshoru-Nou 1/2; 104—106 — Arichesht'-Rakhtivan 1/1, 1/2, 4/5; 107 — Verbitsa 2/?; 108 — Plenitsa 2/1; 109 — Zimnicha — burial ground, burials: 4, 9, 11, 16, 20 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 11. Спиралевидные височные подвески и их контекст (1—12, 14—26 — скорченные захоронения на спине с поднятыми в коленях ногами; 13 — расчлененные костяки; 23—27 — скорченные «правобочные» захоронения; 28—30 — «левобочные захоронения»): 1 — Писаривка 5/1; 2 — Кузьмин 3/2; 3—4 — Бэдражий-Векъ 6/7, 25/12; 5 — Корпач 8/12; 6 — Дуруитоареа-Ноуэ 5/5; 7 — Петрешть 1/8; 8 — Яблони 1/17; 9 — Мэркулешть 3/10; 10 — Брэвичень 7/2; 11 — Красное 2/5; 12—13 — Тирасполь 2, 1/18, 3/13; 14 — Чобручи 2, 1/11; 15 — Бараново «Солдатская слава» 1/10; 16 — Садовое 1/26; 17 — Новоселица 19/11; 18 — Парапоры 1/20; 19 — Нерушай 1/14; 20—21 — Тараклия 2, 10/19, 18/10; 22 — Джурджулешть 5/5; 23 — Талмаза 3/4; 24 — Орхей 1/2; 25 — Тараклия 2, 3/7; 26 — Лиман 7/3; 27 — Никольское 1/11; 28 — Пуркаръ 1/31; 29 — Брэвичень 2/8; 30 — Каролино-Бугаз 1/1 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 11. Spiral temporal pendants and their context (1—12, 14—26 — twisted burials on the back with legs raised at the knees; 13 — dismembered bones; 23—27 — twisted “right-side” burials; 28—30 — “left-side burials”): 1 — Pisarivka 5/1; 2 — Kuz'min 3/2; 3—4 — Bedrazhiy-Vek' 6/7, 25/12; 5 — Korpach 8/12; 6 — Duruitoarea-Noue 5/5; 7 — Petresht' 1/8; 8 — Yablona 1/17; 9 — Merkulesht' 3/10; 10 — Brevichen' 7/2; 11 — Krasnoye 2/5; 12—13 — Tiraspol' 2, 1/18, 3/13; 14 — Chobruchi 2, 1/11; 15 — Baranovo “Soldatskaya slava” 1/10; 16 — Sadovoye 1/26; 17 — Novoselitsa 19/11; 18 — Parapory 1/20; 19 — Nerushay 1/14; 20—21 — Tarakliya 2, 10/19, 18/10; 22 — Dzhurdzhulesht' 5/5; 23 — Talmaz 3/4; 24 — Orkhey 1/2; 25 — Tarakliya 2, 3/7; 26 — Liman 7/3; 27 — Nikol'skoye 1/11; 28 — Purkar' 1/31; 29 — Brevichen' 2/8; 30 — Karolino-Bugaz 1/1 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 12. Спиралевидные височные подвески и их контекст в памятниках Румынии: 1 — Броштень 1/1; 2 — Вынеторь 1/13; 3—4 — Рахман 1/2, 2/3; 5 — Сабанжия 3/1; 6 — Смеень 1/7; 7 — Блежой 4/1; 8—10 — Аричешть-Рахтиван 1/1, 1/2, 4/5; 11 — Тыргшору-Ной 1/2; 12 — Пленица 2/1; 13—17 — Зимнича, грунтовый могильник, погребения 4, 9, 11, 16, 20 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 12. Spiral temporal pendants and their context in Romanian monuments: 1 — Broshten' 1/1; 2 — Vynetor' 1/13; 3—4 — Rakhman 1/2, 2/3; 5 — Sabanzhiya 3/1; 6 — Smeyen' 1/7; 7 — Blezhoy 4/1; 8—10 — Arichesh't'-Rakhtivan 1/1, 1/2, 4/5; 11 — Tyrgshoru-Nou 1/2; 12 — Plenitsa 2/1; 13—17 — Zimnicha, burial ground, burials 4, 9, 11, 16, 20 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 13. Местонахождения элементов составных браслетов в виде трубчатых пронизей, свернутых из тонких медных пластин (нумерация местонахождений соответствует числу комплексов): 1 — Мокра 1/6; 2 — Тырнаука II, 2/17; 3 — Никольское 7/7; 4—5 — Слободзея 1/21, 4/4; 6 — Григорьевка 1/12; 7 — Новоград «Любаша» 2/2; 8 — Великозиминово 1/3; 9—10 — Катаржино 1/1, 1/21; 11 — Бараново 1/9; 12 — Щербанка 1/7; 13 — Лиманское 4/4; 14 — Старые Билары 1/14; 15 — Вапнярка 4/16; 16 — Холодная Балка 1/15; 17 — Ясски 5/2; 18 — Петродолинское 1/9; 19—21 — Ефимовка 2/23, 6/3, 10/7; 22 — Новоградовка 1/4; 23 — Александровка 1/24; 24 — Мерень 1/3; 25—26 — Рошкань 1/13, 5/7; 27 — Кэплань 1/9; 28—31 — Семеновка 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 — Подгородное 1/19; 33 — Широкое 33/3; 34 — Дивизия 2, 6/3; 35 — Белолесье 4/4; 36—37 — Траповка 1/11, 4/7; 38—39 — Баштановка 4/25, 7/1; 40 — Глубокое 1/25; 41 — Борисовка 9/6; 42 — Нерушай 10/13; 43—44 — Холмское 2/8, 2/13; 45 — Новокаменка 1/5; 46 — Каменка 1/8; 47 — Орловка 1/9; 48 — Лиман 3А/30; 49 — Влэдишень 9/2; 50—51 — Кубей 22/18, 23/16; 52 — Джурджулешть 3/13; 53 — Тараклия 2, 14/16; 54 — Петрешть 1/3; 55 — Тырпешть ?/1; 56 — Рэкэчунь ?/?; 57 — Рымничелу ?/?; 58 — Шендрень ?/?; 59—60 — Брэилица 1/3, 1/9; 61 — Лунковица «Моцука» 1/5; 62 — Михай-Браву 2/3; 63 — Байя (Хаманджия) ?/?; 64 — Гурбэнешть 1/2; 65 — Блэжой 1/1; 66 — Плешть-Триаж 1/3; 67—68 — Пэулешть 2/1, 3/4 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 13. Locations of elements of composite bracelets in the form of tubular beads rolled from thin copper plates (the numbering of locations corresponds to the number of complexes): 1 — Mokra 1/6; 2 — Tyrnauka II, 2/17; 3 — Nikol'skoye 7/7; 4—5 — Slobodzeya 1/21, 4/4; 6 — Grigor'yevka 1/12; 7 — Novograd "Lyubasha" 2/2; 8 — Velikozimenovo 1/3; 9—10 — Katarzhino 1/1, 1/21; 11 — Baranovo 1/9; 12 — Shcherbanka 1/7; 13 — Limanskoye 4/4; 14 — Staryye Bilyary 1/14; 15 — Vapnyarka 4/16; 16 — Kholodnaya Balka 1/15; 17 — Yasski 5/2; 18 — Petrodolinskoye 1/9; 19—21 — Yefimovka 2/23, 6/3, 10/7; 22 — Novogradovka 1/4; 23 — Aleksandrovka 1/24; 24 — Meren' 1/3; 25—26 — Roshkan' 1/13, 5/7; 27 — Keplan' 1/9; 28—31 — Semenovka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 32 — Podgorodnoye 1/19; 33 — Shirokoye 33/3; 34 — Diviziya 2, 6/3; 35 — Beloles'ye 4/4; 36—37 — Trapovka 1/11, 4/7; 38—39 — Bashtanovka 4/25, 7/1; 40 — Glubokoye 1/25; 41 — Borisovka 9/6; 42 — Nerushay 10/13; 43—44 — Kholmskoye 2/8, 2/13; 45 — Novokamenka 1/5; 46 — Kamenka 1/8; 47 — Orlovka 1/9; 48 — Liman 3A/30; 49 — Vledichen' 9/2; 50—51 — Kubey 22/18, 23/16; 52 — Dzhurdzhulesht' 3/13; 53 — Tarakliya 2, 14/16; 54 — Petresht' 1/3; 55 — Tyrpesht' ?/1; 56 — Rekechun' ?/?; 57 — Rymnichelu ?/?; 58 — Shendren' ?/?; 59—60 — Breilitsa 1/3, 1/9; 61 — Lunkovitsa "Motsuka" 1/5; 62 — Mikhay-Bravu 2/3; 63 — Bayya (Khamandzhiya) ?/?; 64 — Gurbenesht' 1/2; 65 — Blezhoy 1/1; 66 — Ployesht'-Triazh 1/3; 67—68 — Peulesht' 2/1, 3/4 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 14. Медные пронизи и их контекст (1—20 — «левобочные» погребения, 21—32 — «правобочные» погребения, 33—35 — на спине с поднятыми в коленях ногами, 36—37 — кенотафы, 38 — ритуальный комплекс, 39 — поза не известна): 1 — Мокра 1/6; 2 — Бараново 1/9; 3 — Рошкань 1/13; 4 — Кэплань 1/9; 5—8 — Семеновка 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 9 — Широкое (Алкалия) 33/3; 10 — Дивизия 2, 6/3; 11 — Нерушай 10/13; 12 — Тырнаука II, 2/17; 13 — Белолесье 4/4; 14 — Холмское 2/13; 15 — Каменка 1/8; 16 — Новокаменка 1/5; 17 — Баштановка 7/1; 18 — Влэдичень 9/2; 19 — Александровка 1/24; 20 — Старые Биляры 1/14; 21 — Лиманское 4/4; 22 — Петродолинское 1/9; 23 — Холмское 2/8; 24 — Борисовка 9/6; 25 — Рошкань 5/7; 26 — Кубей 23/16; 27 — Джурджулешть 3/13; 28 — Тараклия 2, 14/16; 29—30 — Брэилица 1/8-9; 31 — Пэулешть 2/1; 32 — Блежой 1/1; 33 — Траповка 4/7; 34 — Кубей 22/18; 35 — Гурбэнешть 1/2; 36 — Дивизия 2, 6/1; 37 — Петрешть 1/3; 38 — Новоград «Любаша» 2/2; 39 — Шендрень ?? (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 14. Copper threads and their context (1—20 — “left-side” burials, 21—32 — “right-side” burials, 33—35 — on the back with legs raised at the knees, 36—37 — cenotaphs, 38 — ritual complex, 39 — the pose is not known): 1 — Mokra 1/6; 2 — Baranovo 1/9; 3 — Roshkan' 1/13; 4 — Keplan' 1/9; 5—8 — Semenovka 2/2, 8/15, 8/16, 19/9; 9 — Shirokoye (Alkaliya) 33/3; 10 — Diviziya 2, 6/3; 11 — Nerushay 10/13; 12 — Tyrnauka II, 2/17; 13 — Beloles'ye 4/4; 14 — Kholmskoye 2/13; 15 — Kamenka 1/8; 16 — Novokamenka 1/5; 17 — Bashtanovka 7/1; 18 — Vledichen' 9/2; 19 — Aleksandrovka 1/24; 20 — Staryye Bilyary 1/14; 21 — Limanskoye 4/4; 22 — Petrodolinskoye 1/9; 23 — Kholmskoye 2/8; 24 — Borisovka 9/6; 25 — Roshkan' 5/7; 26 — Kubey 23/16; 27 — Dzhurdzhulesht' 3/13; 28 — Tarakliya 2, 14/16; 29—30 — Breilitsa 1/8-9; 31 — Peulesht' 2/1; 32 — Blezhoy 1/1; 33 — Trapovka 4/7; 34 — Kubey 22/18; 35 — Gurbenesht' 1/2; 36 — Diviziya 2, 6/1; 37 — Petresht' 1/3; 38 — Novograd “Lyubasha” 2/2; 39 — Shendren' ?? (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 15. Процентное соотношение типов погребальной обрядности (поз погребенных), характерных для захоронений, содержащих височные подвески (1), составные браслеты (2) и сосуды буджакского типа (3).

Fig. 15. Percentage ratio of the types of burial rituals (postures of the buried), characteristic of burials containing temporal pendants (1), composite bracelets (2) and vessels of the Budzhak type (3).

Рис. 16. Золотые спиралевидные височные подвески IV—III тыс. до н.э. Куро-Араксского междуречья (по Stöllner 2016: 216, fig. 5, 11).

Fig. 16. Golden spiral temporal pendants of the 4th — 3rd millennium BCE. Kura-Araks interfluvium (after Stöllner 2016: 216, fig. 5, 11).

A

B

Рис. 17. А: Образцы майкопских кольцевидных и спиралевидных подвесок Кавказа (1—19) и западной зоны (20—54): 1, 12, 19 — Новосвободная 1/30-31; 2 — хут. Жуковского 1/; 3 — Марьинская 1/; 4, 18 — Мостовская 3/; 5 — Нальчик; 6 — Кишпек 1/; 7—8 — Чегем; 9—10 — Бамут 8/; 11, 16—17 — Майкоп; 13 — Костромская 3/; 14 — Великент; 15 — Бичкин-Булак (по Мунчаев 1994; Корневский 2004; 2011; Резепкин 2012 и др.); 20 — Ростов-на-Дону «Вертолетное поле» 1/?; 21—23 — Костырский VIII ?/3; 24 — Константиновск ?/2-3; 25—26 — Садовый ?/64; 27 — Новоалександровка I; 28—29 — Лакедемоновка 1/; 30 — Недвиговка «Танаис»; 31—32 — Поляков 1/; 33 — Отрадный 3/ (по Rassamakin 2004; Файферт 2014 и др.); 34—35 — Чкаловка 3/?; 36 — Осокоровка; 37 — Терны 9/?; 38—39 — Любимовка 3/?; 40 — Солнечный 2/?; 41 — Новопилиповка грунтовый могильник «Аккерман I»; 42 — Орджоникидзе «Чкаловская» 3/ (по Rassamakin 2004 и др.); 43—44 — Бурсучень; 45—46 — Пуркарь 1-2/?; 47 — Сукля 3/?; 48—52 — Усатово курганный могильник 1, 1/6, 13; курганный могильник 2, 2/?; 53—54 — Александровка (по Яровой 1990; Патокова 1979 и др.). **В: Местонахождения майкопских кольцевидных и спиралевидных подвесок из золота (1), серебра (2) и меди/бронзы — ? (3):** 1 — Майкоп; 2 — Новосвободная 1-2/, «Клады» 2/, 28/, 30-31/, 38/; 3 — Старомышастовский клад; 4 — Каменка-Днепровская 2/; 5 — Красногвардейск 1/7; 6 — Псебайская 1/; 7 — Костромская 3/; 8 — Андриковская; 9 — Мостовская 3/; 10 — Кубинка 4/; 11 — хут. Жуковского 1/; 12 — Марьинская 1/; 13 — Кишпек III, 6/; 14 — Кызбурун III, 1/; 15 — Чегем I, 1, 5/, 47/; II, 2/; 16 — Нежинский 5/; 17 — Нальчик; 18 — Кудакхурт 1/; 19 — Бамут 14-15/; 20 — Великент; 21 — Бичкин-Булак; 22 — Павловское; 23 — Подлесье; 24 — Лакедемоновка 1/; 25 — Недвиговка «Танаис»; 26 — Ростов-на-Дону «Вертолетное поле». 1/; 27 — Олимпийский; 28 — Нижне-Гниловской; 29 — Мухин I; 29a — Поляков 1/; 30 — Садовый 64/; 31 — Кулешовка; 32 — Новоалександровка I; 33 — Алитуб; 34 — Отрадный 3/; 35 — Рябичев 3/; 36 — Костырский VIII, 3/; 37 — Константиновск «Танкин» 2/; 38 — Закатное I; 39 — Зимогорье 2/?; 40 — Богдановка 1/?; 41 — Терны 9/?; 42 — Любимовка 3/?; 43 — Новопилиповка грунтовый могильник «Аккерман I»; 44 — Чкаловка 3/?; 45 — Солнечный 2/?; 46 — Разумовка 1/?; 47 — Орджоникидзе «Чкаловская» 3/?; 48 — Осокоровка; 49 — Ковалевка 4/?; 50—51 — Усатово курганный могильник 1, курган 1, 6, 13; курганный могильник 2, курган 2; 52 — Александровка; 53 — Траповка 10/?; 54 — Сэрэтен' 1/?; 55 — Пуркарь 1-2/?; 56 — Сукля 3/?; 57 — Паркань 147/?; 58 — Бурсучень (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 17. Samples of the Maikop ring-shaped and spiral pendants of the Caucasus (1—19) and the western zone (20—54): 1, 12, 19 — Novosvobodnaya 1/30-31; 2 — khut. Zhukovskogo 1/; 3 — Mar'inskaya 1/; 4, 18 — Mostovskaya 3/; 5 — Nal'chik; 6 — Kishpek 1/; 7—8 — Chegem; 9—10 — Bamut 8/; 11, 16—17 — Maykop; 13 — Kostromskaya 3/; 14 — Velikent; 15 — Bichkin-Buluk (after Munchayev 1994; Korenevskiy 2004; 2011; Rezepkin 2012 i dr.); 20 — Rostov-na-Donu "Vertoletnoye pole" 1/?; 21—23 — Kostyrskiy VIII ?/3; 24 — Konstantinovsk ?/2-3; 25—26 — Sadovyy ?/64; 27 — Novoaleksandrovka I; 28—29 — Lakedemonovka 1/; 30 — Nedvigovka "Tanais"; 31—32 — Polyakov 1/; 33 — Otradnyy 3/ (po Rassamakin 2004; Fayfert 2014 i dr.); 34—35 — Chkalovka 3/?; 36 — Osokorovka; 37 — Terny 9/?; 38—39 — Lyubimovka 3/?; 40 — Solnechnyy 2/?; 41 — Novopilipovka burial ground "Akkerman I"; 42 — Ordzhonikidze "Chkalovskaya" 3/ (po Rassamakin 2004 i dr.); 43—44 — Bursuchen'; 45—46 — Purkar' 1-2/?; 47 — Sukleya 3/?; 48—52 — Usatovo burial mound 1, 1/6, 13; burial ground 2, 2/?; 53—54 — Aleksandrovka (after Yarovoy 1990; Patokova 1979 i dr.). **B: Where are the Maikop ring-shaped and spiral-shaped pendants made of gold (1), silver (2) and copper / bronze — ? (3):** 1 — Maykop; 2 — Novosvobodnaya 1-2/, "Klady" 2/, 28/, 30-31/, 38/; 3 — Staromyshastovskiy klad; 4 — Kamenka-Dneprovskaya 2/; 5 — Krasnogvardeysk 1/7; 6 — Psebayskaya 1/; 7 — Kostromskaya 3/; 8 — Andryukovskaya; 9 — Mostovskaya 3/; 10 — Kubinka 4/; 11 — Zhukovskogo farm 1/; 12 — Mar'inskaya 1/; 13 — Kishpek III, 6/; 14 — Kyzburun III, 1/; 15 — Chegem I, 1, 5/, 47/; II, 2/; 16 — Nezhinskiy 5/; 17 — Nal'chik; 18 — Kudakhurt 1/; 19 — Bamut 14-15/; 20 — Velikent; 21 — Bichkin-Buluk; 22 — Pavlovskoye; 23 — Podles'ye; 24 — Lakedemonovka 1/; 25 — Nedvigovka "Tanais"; 26 — Rostov-na-Donu "Vertoletnoye pole". 1/; 27 — Olimpiyskiy; 28 — Nizhne-Gnilovskoy; 29 — Mukhin I; 29a — Polyakov 1/; 30 — Sadovyy 64/; 31 — Kuleshovka; 32 — Novoaleksandrovka I; 33 — Alitub; 34 — Otradnyy 3/; 35 — Ryabichev 3/; 36 — Kostyrskiy VIII, 3/; 37 — Konstantinovsk "Tankin" 2/; 38 — Zakatnoye I; 39 — Zimogor'ye 2/?; 40 — Bogdanovka 1/?; 41 — Terny 9/?; 42 — Lyubimovka 3/?; 43 — Novopilipovka burial mound "Akkerman I"; 44 — Chkalovka 3/?; 45 — Solnechnyy 2/?; 46 — Razumovka 1/?; 47 — Ordzhonikidze "Chkalovskaya" 3/?; 48 — Osokorovka; 49 — Kovalevka 4/?; 50—51 — Usatovo burial mound 1, ground 1, 6, 13 burial mound 2, ground 2; 52 — Aleksandrovka; 53 — Trapovka 10/?; 54 — Sereten' 1/?; 55 — Purkar' 1-2/?; 56 — Sukleya 3/?; 57 — Parkan' 147/?; 58 — Bursuchen' (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 18. Процентное соотношение стратиграфического положения типов погребальной обрядности (поз погребенных) и характерного для них инвентаря: *A* — основные, первичные, *B* — впускные, вторичные.

Fig. 18. Percentage ratio of the stratigraphic position of the types of burial rituals (positions of the buried) and their characteristic implements: *A* — main, primary, *B* — inlet, secondary.

Рис. 19. Категории материалов характерные для скорченных погребений на боку, представляющие поздний период ямной культуры Карпато-Поднестровья: I — Чашевидные сосуды и миски: 1 — Дубэсарь 4/4; 2 — Семеновка 8/18; 3 — Григорьевка 1/12; 4 — Коржево 8/14; 5 — Красное 9/23; 6 — Маяки IV, 1/1; 7 — Рэскэций-Ной 2/12; 8 — Казаклия 17/14; 9 — Влэдичень 9/8; 10 — Чобручи II, 1/12; 11 — Семеновка 2/3; 12 — Мирное 1/9; 13 — Бараново 1/9; 14 — Молога 2/26; 15 — Спея 1/5; 16 — Добрянка 1/6; 17 — Пороги 3А/18; 18 — Болотешть-Вранча 2/14; 19 — Рэскэций-Ной 2/12; 20 — Фештелица II, 1/2; 21 — Холмское 2/8; 22 — Алкалия 8/3; 23 — Михайловка 3/12; **II — Амфоровидные сосуды:** 1 — Бараново 9/3; 2 — Семеновка 2/6; 3 — Олэнешть 1/15; 4 — Приморское 1/13; 5 — Холодная Балка 1/7; 6 — Тараклия I, 1/13; 7 — Татарбунары 1/2; 8 — Гура Быкулуй 7/1; 9 — Холмское 2/13; 10 — Градешка I, 5/9; 11 — Новоселица 19/13; 12—13 — Пороги 3/4, 4/8; 14 — Окница 6/18; 15 — Ефимовка 10/7; 16 — Бурсучень 1/14; 17 — Валя Лупулуй 1/22; **III — Кубковидные формы:** 1 — Мирное 1/12; 2 — Пуркарь 1/23; 3 — Траповка 4/5; 4 — Ефимовка 9/17; 5 — Огородное III, 1/16; 6 — Брэилица 1/34; 7 — Болотешть-Вранча 2/7; **IV — Аски, кувшины, кружки-чашки:** 1 — Кубей 26/4; 2, 11 — Брэилица 1/10; 3 — Чумай 21/5; 4 — Герэсень 1/7; 5 — Рэкэчиунь 19/7; 6 — Казаклия 17/27; 7 — Болотешть-Вранча 2/9; 8 — Хыршова 1/2; 9 — Лиешть-Арбэнашу 1/22; 10 — Глиное II 110/5; 12 — Олэнешть 1/28; **V — Орудия труда, оружие:** 1 — Никольское 11/7; 2 — Семеновка 8/13; 3 — Маяки III, 9/1; 4 — Рошкань 1/13; 5 — Глиное 1,1; 6 — Брэвичень 6/9; 7 — Подойма 3/4; **VI — Украшения:** 1 — Глубокое 1/24; 2 — Лиман 3А/30; 3 — Алкалия 33/3; **Антропоморфные стелы:** 4 — Тимково 1/12; 5 — Олэнешть 2,1; 6 — Плавни 25/1; 7 — Маяки III, 1/4; **Повозки:** 8 — Балабану I, 13/13; 9 — Петрешть 3/9 (в числителе — номер кургана, в знаменателе — номер погребения).

Fig. 19. Categories of materials typical for twisted lateral burials, representing the late period of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region: I — Cup-shaped vessels and bowls: 1 — Dubesar' 4/4; 2 — Semenovka 8/18; 3 — Grigor'yevka 1/12; 4 — Korzhevo 8/14; 5 — Krasnoye 9/23; 6 — Mayaki IV, 1/1; 7 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 8 — Kazakliya 17/14; 9 — Vledichen' 9/8; 10 — Chobruchi II, 1/12; 11 — Semenovka 2/3; 12 — Mirnoye 1/9; 13 — Baranovo 1/9; 14 — Mologa 2/26; 15 — Speya 1/5; 16 — Dobryanka 1/6; 17 — Porogi 3A/18; 18 — Bolotesht'-Vrancha 2/14; 19 — Reskeyetsiy-Noy 2/12; 20 — Feshtelitsa II, 1/2; 21 — Kholmskoye 2/8; 22 — Alkaliya 8/3; 23 — Mikhaylovka 3/12; **II — Ampho-shaped vessels:** 1 — Baranovo 9/3; 2 — Semenovka 2/6; 3 — Olenesht' 1/15; 4 — Primorskoye 1/13; 5 — Kholodnaya Balka 1/7; 6 — Tarakliya I, 1/13; 7 — Tatarbunary 1/2; 8 — Gura Bykuluy 7/1; 9 — Kholmskoye 2/13; 10 — Gradeshka I, 5/9; 11 — Novoselitsa 19/13; 12—13 — Porogi 3/4, 4/8; 14 — Oknitsa 6/18; 15 — Yefimovka 10/7; 16 — Bursuchen' 1/14; 17 — Valya Lupuluy 1/22; **III — Cup-shaped:** 1 — Mirnoe 1/12; 2 — Purcar' 1/23; 3 — Trapovka 4/5; 4 — Efimovka 9/17; 5 — Garden III, 1/16; 6 — Brailitsa 1/34; 7 — Bolotesti-Vrancea 2/7; **IV — Aski, jugs, mugs-cups:** 1 — Mirnoye 1/12; 2 — Purkar' 1/23; 3 — Trapovka 4/5; 4 — Yefimovka 9/17; 5 — Ogorodnoye III, 1/16; 6 — Breilitsa 1/34; 7 — Bolotesht'-Vrancha 2/7; **V — tools, weapons:** 1 — Nikol'skoye 11/7; 2 — Semenovka 8/13; 3 — Mayaki III, 9/1; 4 — Roshkan' 1/13; 5 — Glinoye 1,1; 6 — Brevichen' 6/9; 7 — Podoyma 3/4; **VI — Decorations:** 1 — Glubokoye 1/24; 2 — Liman 3A/30; 3 — Alkaliya 33/3; **Anthropomorphic steles:** 4 — Timkovo 1/12; 5 — Olenesht' 2,1; 6 — Plavni 25/1; 7 — Mayaki III, 1/4; **Carts:** 8 — Balabanu I, 13/13; 9 — Petresht' 3/9 (in the numerator — number of the mound, in the denominator — number of the burial).

Рис. 20. Категории материалов характерные для скорченных погребений на спине с понятыми в коленях ногами, представляющие ранний период ямной культуры Карпато-Поднестровья:
I — Чашевидные сосуды и миски: 1 — Казаклия 8/5; **II — Амфоровидные сосуды:** 1 — Рогожень 1/1; 2 — Тудора II, 1/10; 3, 7 — Корпач 8/13, 8/12; 4—5 — Бэдражий-Век 29/14, 25/12; 6 — Окница 3/14; 8 — Мэркулешть 3/5; 9 — Тырпешть 1/1; 10 — Тараклия II, 25/18; 11 — Казаклия 5/13; 12 — Яблони 1/1; 13 — Кэушень 1/4; 14 — Ясски 5/23; **III — Кубковидные формы:** 1 — Бутор I, 9/3; 2 — Беляевка 1/32; 3 — Глубокое 2/8; 4 — Баштновка 7/12; **IV — Аски, кувшины:** 1 — Глубокое 2/11; 2 — Болград 1/12; **V — Украшения:** 1 — Плавни 26/4; 2 — Брэвичень 2/7; 3 — Тараклия II, 10/10; **VI — Антропоморфные стелы:** 4 — Глубокое 1/7; 5 — Новоселица 19/7; 6 — Томай 1/13; 7 — Кэушень 1/3; 8 — Санжейка 1/2; 9 — Молога 1/4; **Повозки:** 10 — Новоселица 19/16; 11—12 — Холмское 2/10, 1/7; 13 — Тараклия II, 10/18; 14 — Никольское 7/33; 15 — Маяки I, 5/5.

Fig. 20. Categories of materials characteristic of crumpled burials on the back with legs at the knees, representing the early period of the Yamnaya culture of the Carpathian-Dniester region:
I — Cup-shaped vessels and bowls: 1 — Kazakliya 8/5; **II — Amphora-shaped vessels:** 1 — Rogozhen' 1/1; 2 — Tudora II, 1/10; 3, 7 — Korpach 8/13, 8/12; 4—5 — Bedrazhiy-Vek' 29/14, 25/12; 6 — Oknitsa 3/14; 8 — Merkulesht' 3/5; 9 — Tyrpesht' 1/1; 10 — Tarakliya II, 25/18; 11 — Kazakliya 5/13; 12 — Yablona 1/1; 13 — Keushen' 1/4; 14 — Yasski 5/23; **III — Cup-shaped forms:** 1 — Butor I, 9/3; 2 — Belyaevka 1/32; 3 — Glubokoye 2/11; 4 — Bashtnovka 7/12; **IV — Aski, jugs:** 1 — Glubokoye 2/11; 2 — Bolgrad 1/12; **V — Decorations:** 1 — Plavni 26/4; 2 — Brevichen' 2/7; 3 — Tarakliya II, 10/10; **VI — Anthropomorphic steles:** 4 — Glubokoye 1/7; 5 — Novoselitsa 19/7; 6 — Tomay 1/13; 7 — Keushen' 1/3; 8 — Sanzheyka 1/2; 9 — Mologa 1/4; **Carts:** 10 — Novoselitsa 19/16; 11—12 — Kholm'skoye 2/10, 1/7; 13 — Tarakliya II, 10/18; 14 — Nikol'skoye 7/33; 15 — Mayaki I, 5/5.